

Анна Калугина

Закулисная история

16+

Анна Калугина

Закулисная история

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Калугина А.

Закулисная история / А. Калугина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Что известно о закулисной жизни актеров, играющих на сцене? Как создается спектакль? Какой духовный путь нужно пройти, чтобы стать актрисой? Роман «Закулисная история» приоткрывает для вас занавес внутренней жизни театра и личной жизни его актёров. В центре сюжета история Дарьи Арсентьевой — начинающей актрисы одного из современных театров. На пути к мечте стать актрисой Дарья влюбляется, учится, пробует себя в кино и рекламе. Спектакль в детском доме кардинально меняет ее жизнь. Что произошло? Об этом вы узнаете, прочитав роман Анны Калугиной.

© Калугина А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава 1

В зрительном зале было как никогда шумно. Спектакль закончился, но удивительно – почти никто не бежал в гардероб. Люди аплодировали, свистели, кричали «Браво!» и толкали друг друга, чтобы подойти к сцене и подарить цветы любимым артистам, а если повезет – взять автограф.

«Усадьба Крыловых» – была пока единственной постановкой в репертуаре театра, но каждый спектакль проходит с аншлагом. В чем же секрет?

Под бурные аплодисменты одна из актрис прошла за кулисы, прижимая к себе охапку цветов. Розы, тюльпаны и герберы так и сыпались из рук, но девушка не остановилась, чтобы поднять их. Актриса была одета в платье с пышными, шуршащими юбками, наподобие тех, что носили графини в девятнадцатом веке. Ее светлые локоны спадали на плечи, а на шее блестели сапфиры, подчеркивая голубые глаза. Сценический образ Евгении Шпатовой олицетворял свет и душевную простоту. Жаль, люди не понимают, что ангельский образ на сцене – это всего лишь образ.

Евгения протиснулась мимо бутафорных нагромождений и едва не упала, запнувшись о провод, тянувшийся через сцену.

– Я же просила оставить место для прохода! – закричала девушка на монтажников, занятых сборкой тяжелых декораций. – Сами попробовали бы пройти здесь на каблуках и с двадцатью букетами!

Девушка опустила свое богатство на запыленный рояль и облегченно вздохнула.

– Что, Женечка, опять задарили цветами? – заискивающе улыбнулась ей Софья, дежурный администратор. – Донесешь ли до дома?

– До дома? – насмешливо переспросила актриса. – Нет, спасибо. Предыдущие веники не завяли, а вы хотите, чтобы я набрала десятки новых?

– А куда ты их денешь?

– Выброшу или оставлю бабушкам в гардеробе.

– Но ведь это подарки...

– Хватит рассуждать о подарках, Софья Михайловна. – Женя села в кресло, закинула ногу на ногу и повелительным тоном произнесла: – Принесите мне кофе, я очень устала.

– Уже бегу!

Женщина скрылась в маленькой кухне, что находилась за стенкой. Через секунду оттуда послышался звон тарелок и шум льющейся из крана воды.

– Если бы мне дарили столько цветов, я бы покупала вазы под каждый букет, – мечтательно произнесла девушка, стоявшая у фортепиано.

Евгения обернулась и увидела Дарью Арсентьеву – начинающую актрису театра.

– Ой, ты еще здесь? Я думала, ты произнесла свою реплику и ушла домой.

– Как я могла уйти, не поклонившись зрителям?

Шпатова смерила коллегу снисходительным взглядом.

– Не думаю, что зрители запомнили служанку, мелькнувшую в одной-единственной сцене. Ты могла не утруждаться поклоном.

Даша растерялась: сразу и не придумаешь, что ответить на грубость, завуалированную обидной правдой.

– Женечка, твой кофе. – это вернулась Софья Михайловна. На подносе она держала чашку ароматного капучино и пряники.

– Кофе с сахаром?

– Разумеется. – она услужливо улыбнулась. – Поторопись, в зале ждут дети.

– Много?

– Человек тридцать.

Девушка удивленно подняла брови.

– И все ко мне?

– Судя по огромным плакатам с твоим фото – да.

Женя залпом выпила кофе и подошла к зеркалу поправить прическу.

– Хорошо, когда есть преданные поклонники, – сказала она, любуясь своим отражением, и когда есть не только кому выходить на поклон, но и к кому выходить после спектакля... Спасибо за кофе! – крикнула Шпатова уже на бегу, но ее слова заглушил приветственный гул зрителей.

Софья Михайловна прижала руки к груди.

– Необыкновенно талантливая актриса! Женечке двадцать два года, а она уже окончила ВГИК и снялась в сериале. А сколько у нее поклонников! – женщина отодвинула кулису, чтобы открылась правая сторона зала, где Евгения в окружении восторженных школьников раздавала автографы. – Представляешь, Даша, изо дня в день мы можем запросто с ней разговаривать, а эти ребята видят Женю только на экранах, и такие встречи для них – предел мечтаний! А Женечка – умница! Всегда находит время для поклонников.

Восторженная старушка могла долго хвалить Женю, поэтому Даша вежливо напомнила об окончании рабочего дня и пошла собираться домой.

Театр, в котором служили артисты, открылся недавно. Из-за скромного финансирования начальство не могло обеспечить труппу современным оборудованием и декорациями, но артисты с пониманием относились к неудобствам, ведь в «Калейдоскопе» – а именно так называется театр – люди работали за идею. Нет здесь и шикарных, с размахом обставленных гримерных комнат. Гримерки стоят в ряд прямо за сценой. Внутри они узкие и тесные, а снаружи больше напоминали картонные домики. Там едва помещались столик, кресло и вешалка для одежды.

Дарья сняла парик с буклями и облегченно вздохнула. Парик был жестким, неприятно кололся, и после него на лбу неизменно оставалась красная отметина. Эти парики достались «Калейдоскопу» от ТЮЗа, где прослужили, наверное, десять лет. Несмотря на терпкий запах и потасканный вид, дирекция «Калейдоскопа» нашла парики пригодными для работы.

Дарья распустила каштановые волосы, и они волнами легли на плечи. Затем стерла румяна и замерла у зеркала, придирчиво всматриваясь в своё отражение. Без румян ее лицо казалось болезненно бледным, а нос слишком длинным. Но карие глаза сияли от радости. Выход на сцену – для Даши всегда радость.

«И что с того, что роль эпизодическая? – подумала Дарья. – Пусть я произношу всего одну реплику, но зато *как* произношу! «Ваш чай, дамы и господа! Приятного аппетита!» – это единственное, чего меня удостоили, но никто и представить не может, как мне радостно от возможности постоять на сцене и на минуту завладеть вниманием зрителя...»

Дарья взглянула на часы, которые показывали половину одиннадцатого, и подскочила: ей еще писать реферат, читать конспект, да и поспать было бы неплохо, а она сидит в театре!

Девушка наскоро навела порядок на туалетном столике, сменила платье на джинсы и вышла из гримерки.

– До свидания, Софья Михайловна!

– До свидания, – ответила женщина, даже не взглянув в ее сторону.

Какая роль – такое отношение. Расстроенная девушка направилась к выходу и не заметила, как врезалась в картонную перегородку.

– Осторожно, малахольная, снесешь это жалкое подобие гримерки!

Узнав пронзительный голос Любы Румянцевой, – полноватой сорокалетней дамы, заслуженной артистки России, очень веселой, но вспыльчивой и крикливой, если ее разозлить, –

Даша пискнула: «извините», – и поспешила убаться восояси, пока Румянцева не выглянула из-за двери.

– Люба, угомонись, – с упреком произнесла ее коллега и лучшая подруга Ксения Лаврова, играющая в спектакле одну из главных ролей. – Подумаешь, оступилась девочка! С кем не бывает?

Люба закрыла глаза и облокотилась на спинку кресла.

– Я сегодня не в себе. Сначала слова перепутала, потом едва не пропустила свой выход, а теперь срываюсь на коллегах.

– Спектакль прошел на «ура», а ты сыграла великолепно! – искренне произнесла Ксения. – Никто и не заметил, что ты изменила одну реплику. – Ксения положила на шаткий столик фотоальбом. – Мне сегодня передали фотографии с гастролей. Хочешь посмотреть?

– Нет, Ксюш, я домой тороплюсь. – женщина поднялась с кресла, но тут же снова села и с подозрением посмотрела на подругу. – А сама чего сидишь, фотографиями любишься? Тебя не ждут дома двое детей?

Улыбка Ксении, такая теплая и лучезарная, сразу погасла. Она опустила глаза в пол и почти равнодушно ответила:

– К детям приехал Игорь. Я не хочу его видеть. Выжду часок и тогда поеду, чтобы точно не пересечься.

Люба всплеснула руками.

– Глупая, на чем ты поедешь? Служебный автобус скоро уйдет, а метро закроется через час!

– Вызову такси.

Понизив голос до шепота, чтобы разговор случайно не услышали за картонными стенами, Люба спросила:

– Все настолько плохо?

Ксения пожала плечами.

– Пусть общается с детьми, сколько душе угодно. Но я не хочу при этом присутствовать.

– А как к твоему бегству отнесся Андрей? Он взрослый парень и, в отличие от Нади, которой можно соврать про ночные репетиции, все понимает.

– Вот именно. Андрей меня понимает, – с нажимом произнесла Ксения, – и не осуждает. Люба, ты беги, автобус действительно скоро уедет. А за меня не волнуйся.

На прощание Люба чмокнула ее в щеку и, обернувшись у двери, сказала:

– Все наладится, вот увидишь.

– Я знаю. Я всегда верю в лучшее. Так жить проще.

Глава 2

Время приближалось к полуночи, но Даша старалась не поддаваться усталости и не прислушиваться к умиротворяющему стуку дождя за окном. Она сидела в кресле и честно пыталась учить теорию вероятностей, пока не заметила, что в пятый раз перечитывает один и тот же абзац, но не запоминает ни слова. Девушка отложила тетрадь и потерла уставшие глаза. Её взгляд задержался на обоях – там виднелась размазанная синяя линия. Похоже, Даша случайно задела обои ручкой. Она тут же схватила резинку и стала судорожно оттирать чернила – не дай Бог, хозяйка квартиры заметит, крику будет!

Даша снимала эту квартиру у пенсионерки Людмилы Эдуардовны Хмелиной. Хозяйка здесь не жила, но приходила раз в месяц за деньгами, а иногда являлась без предупреждения, чтобы посмотреть, поддерживает ли Даша порядок в её отсутствие. Квартирка маленькая, но уютная, а главное – в шаге от метро.

Даше Арсентьевой было девятнадцать лет и она училась на экономиста в Московском финансово-юридическом университете. После учебы девушка три дня в неделю подрабатывала

официанткой, а в другие дни служила в театре, где была занята в маленькой роли в одном-единственном спектакле. Но Даша и этому радовалась – она же работает со знаменитостями! Для девушки без актерского образования и опыта большая удача – попасть в коллектив профессионалов. Причиной ее везения стала катастрофическая нехватка актеров. Профессионалы, жаждущие денег и славы, не хотели идти в новый театр и сутками трудиться за гроши, а руководство театра с ног сбилось, чтобы найти артистов, согласных на эти условия. В итоге, когда уже все сроки горели, инвесторы рвали и метали, а на отчаявшегося режиссера было страшно смотреть, кто-то высказал идею: за хорошие деньги привлечь в театр трех профессионалов, засветившихся на экране, а остальных людей набрать завтра же – вот кто придет, тех и брать.

Так Даша оказалась в театре «Калейдоскоп». Она пришла на прослушивание и сразу понравилась режиссеру. Она была кроткой, но в то же время открытой; не профессиональной, но артистичной; не амбициозной, но живущей мечтами о сцене, а главное – Даша согласилась работать за копейки, лишь бы взяли в театр.

Даша приехала поступать в Москву, когда ей исполнилось семнадцать лет. Она подала документы в четыре театральных вуза и в один финансово-юридический. В последний – по настоянию родителей. Родители и младший брат Дарья остались в Нижнем Новгороде. Девушка навещала их по праздникам и выходным.

Юная мечтательница и мысли не допускала, что может не поступить в театральный институт. Она уже видела себя студенткой ВГИКа или ГИТИСа, представляла однокурсников и преподавателей, которых покорит своим талантом. Но этим мечтам не суждено было осуществиться. На вступительные испытания приезжают тысячи девушек и юношей со всей России, а заветных мест всего около двадцати. Дарья не прошла даже во второй тур и, чтобы не остаться без высшего образования, согласилась учиться на экономиста, как советовали родители. Втайне она по-прежнему лелеяла мечту о сцене и решила, что актриса с дипломом экономиста – тоже неплохо. Пожалуй, даже солидно.

Работа в «Калейдоскопе» развеяла иллюзии и сказочное представление о театре. Даша быстро поняла, что театр, который преподносится зрителю, и театр, в котором служит артист – это два разных мира. Зрителю театр видится волшебным местом, где легко происходит перевоплощение из одного образа в другой. Кажется, артист только и делает, что купается в овациях, а коллеги – его любящая семья.

С первого дня Даша уяснила, что за кулисами каждый сам за себя или за того, кто поможет в борьбе за лучшую роль и место под солнцем. Это не значит, что артисты плохие люди, просто у них эмоции проявляются сильнее, чем, скажем, у финансистов, инженеров или врачей. В артисте бурлит неумная энергия, требующая выхода, иначе человек чувствует себя несчастным. Каждый артист жаждет внимания, мечтает завоевать зрителя и стать популярным, это естественное желание. Но в погоне за славой артист теряет свое «я», становится кем-то другим и отнюдь не счастливым. За кулисами проявляются худшие черты характера: ревность, зависть, мстительность. Закулисые изобличает пороки... или съедает за великолепное, никем не раскрытое притворство.

Было далеко за полночь, когда Ксения Лаврова повернула в двери ключ и на цыпочках вошла в темную прихожую. Женщина бесшумно сняла сапоги, повесила пальто в шкаф и заметила сына – он сидел в углу коридора и читал при свете торшера. Его черные волосы были взъерошены, брови нахмурены, глаза покраснели от напряжения. Ксения подумала, что сейчас Андрей поразительно похож на отца и плечи ссутулены, будто он не двадцатилетний юноша, а сорокалетний мужчина.

– Привет.

Андрей отложил учебник по архитектурному проектированию и подошел к матери.

– Почему ты не спишь?

– А почему ты так поздно?

Ксения что-то невнятно пробормотала и отвела взгляд.

– Отец давно уехал, могла не сидеть в гримерке лишние три часа, – парень печально улыбнулся. – Пойдем в кухню. Я приготовил рагу и, между прочим, дважды разогревал, чтобы к твоему приходу ужин остался теплым.

– Ты приготовил рагу? – удивленно переспросила Ксения.

– Вообще-то мне Надя помогла, – признался Андрей. – Хотели порадовать тебя чем-нибудь вкусным.

– Кстати, где она?

– Мам, ты чего? Уже половина второго, Надя давно спит!

Они зашли в кухню, и Ксения подняла крышку сковороды. Рагу выглядело аппетитно, правда, дети забыли добавить в блюдо кабачки. А может, не догадались поискать их на балконе.

– Надя спит, а ты почему не ложишься? – спросила Ксения, накладывая в тарелку еду. – Тебе завтра не к первой паре?

– К первой, – подтвердил Андрей. – Но я взрослый и ответственный человек, в отличие от Нади могу встать, когда нужно.

Ксения подавила улыбку. Она вспомнила, как неделю назад этот взрослый и ответственный человек отказывался вставать к третьей паре.

– Расскажи хоть, чем занимались без меня.

– Сначала с отцом проверили Надины уроки, потом смотрели... Извини! – спохватился юноша. – Наверное, тебе неинтересно слушать об отце?

Ксения отвела взгляд, притворившись, будто рассматривает на чашке облезший рисунок.

– Интересно, но не всегда приятно. Рагу вкусное, – сказала женщина, чтобы сменить тему. – Вы с Надей потрудились на славу. Возьму-ка я добавку.

– Мы старались. А как прошел твой день?

Ксения пожала плечами и, сделав глоток теплого чая, ответила:

– Ничего особенного. Все как обычно.

– Репетиция, спектакль, поклонники, цветы – ничего необычного, – шутливым тоном произнес Андрей. – Всего лишь обычный день из жизни знаменитой актрисы. Миллионы людей мечтают жить так же, а у нее – обычный день!

Ксения засмеялась.

– Сынок, ты преувеличиваешь. Я не настолько знаменита и к славе никогда не стремилась. Я просто занимаюсь любимым делом.

– Знаю, мама. Если бы ты стремилась к славе, то покорила бы Голливуд еще двадцать лет назад. Но ты выбрала семью и театральные подмостки.

– И ни разу об этом не пожалела.

– Даже когда подала на развод?

– Даже когда подала на развод, – устало повторила Ксения. – Андрей, уже два часа ночи. Не обидишься, если я...

– Конечно, иди спать. Я помою посуду.

Ксения поцеловала сына и вышла из кухни.

Проходя мимо детской, женщина остановилась. Дверь была приоткрыта, и она увидела Надю, мирно спящую в своей постели. Но спала девочка странно: одеяло сброшено на пол, ноги лежат на подушке, а под головой – плюшевый медвежонок.

Ксения на цыпочках подошла к кровати и хотела укрыть Надю одеялом, но стоило ей наклониться, как девочка что-то прошептала во сне и повернулась на другой бок. Ксения решила не тревожить её и вышла из комнаты.

Да, все было не зря. И разве можно о чем-то жалеть, ведь у нее такие замечательные дети! Семья – главная радость, а не награды и грамоты, которых, к слову, у актрисы предостаточно.

Глава 3

Сегодня Даша с трудом заставила себя подняться с кровати и пойти на занятия. Причины не пойти она искала вплоть до того момента, когда вошла в университет и приложила пропуск к турникету. Вчера она так и не смогла повторить лекцию, а того, что прочла по дороге в метро, вряд ли достаточно для контрольной.

– Привет, Юль, – Арсентьева бросила сумку на стул возле светловолосой девушки, судорожно листавшей учебник.

Юлия Ковалева и Даша Арсентьева подружились на первом курсе, и поначалу эта дружба многих удивляла, ведь по характеру девушки такие разные: Даша – серьезная и сдержанная, а Юля – раскрепощенная и открытая. С Юлей можно расслабиться, посмеяться, сходить в кино и просто поговорить по душам, зная, что она, скорее, язык проглотит, чем выдаст чужую тайну. Ее глаза всегда блестели задоринкой, уголки пухлых губ приподняты, а носик-кнопка и тонкие брови придавали ее лицу удивленное выражение. Юля привыкла наслаждаться жизнью, не задумываясь о последствиях, но если случалось что-то серьезное, она могла свернуть горы, особенно, если горы надо было сворачивать ради близких людей.

– Ты выучила тему?

– Ну... Я прочитала, – уклончиво ответила Юля.

– Понятно. Я тоже вчера прочитала, – Даша показала кавычки пальцами, – но ничего не запомнила.

– Значит, будем вместе дрожать от страха. А ты задачи решила?

– Юль, я вчера так устала, что не помню, как до дома дошла!

– А где устала? На спектакле?

– Сначала здесь, на занятиях; потом носилась в кафе как угорелая, было очень много посетителей. Из кафе побежала в театр и едва не опоздала к своему выходу. А если бы опоздала, вряд ли бы кто-нибудь заметил, – с грустью добавила девушка.

Юля хлопнула ее по плечу.

– Не падай духом! Когда обсуждение нового спектакля? Сегодня?

– Да.

– Прекрасно, – Юля потерла ладони в предвкушении, – сегодня у тебя появится еще одна роль.

– Надеюсь, в ней будет больше семи слов, – вяло откликнулась Даша. – Собрание в два часа, поэтому я уйду с последней пары. Прикроешь, если что?

– Конечно.

В аудиторию вошел мужчина в строгом костюме, и разговоры сразу прекратились. Мужчина поправил очки и сухо произнес:

– Доставайте листочки. Вас ждут два теоретических вопроса и три задачи.

– Мы пропали, – прошептала Юля. – Дашка, ты совсем ничего не учила?

Арсентьева покачала головой и мысленно перекрестилась. Она тоже понимала, что пахнет двойкой.

Даша ушла с лекции, но все равно не успевала к началу собрания. Собрание вот-вот начнется, а она только в метро спустилась! Выговор от Никитоса обеспечен.

Никита Александрович Христофоров, он же Никита и он же Никитос, – главный и единственный режиссер театра «Калейдоскоп». Это был молодой человек двадцати семи лет, не красивый, но, определенно, харизматичный. Взъерошенные русые волосы закрывали высокий лоб, из-за легкой щетины Никита выглядел старше своих лет. Его оживленный взгляд не задерживается подолгу на чем-то, а перебегал с предмета на предмет, с лица на лицо. Пристально смотреть и подмечать каждую деталь Никита был способен только на репетициях. В остальное время он искал новые идеи, и этот поиск выражался в его бегающем, жаждущем вдохновения взгляде. Определенного стиля в одежде для него не существовало: то придет на репетицию в костюме, то в потертых джинсах. Никита требовал, чтобы коллеги обращались к нему на «ты» и сам спокойно говорил «ты» заслуженным артистам. Но Никиту нельзя было назвать легкомысленным: он был хитер, красноречив, амбициозен и до безумия любил свою работу. Идеи бурлили в его голове, как лава в вулкане, а поток творческой энергии был неиссякаем, и когда артисты, отработав смену, уже выдыхались, Никита, как батарейки из знаменитой рекламы, оставался полон сил и энергии. Его дебютный спектакль – «Усадьба Крыловых» – превзошел ожидания инвесторов, критиков, зрителей и даже артистов. Христофоров сам написал пьесу и нашел актеров, потом подобрал костюмы и музыку, через знакомых достал шикарные декорации, ведь в то время «Калейдоскоп» не мог позволить себе костюмеров, гримеров и декораторов. Профессионалы заняли эти должности после первых аншлаговых спектаклей. Никита вложил душу в этот спектакль и отслеживал каждую мелочь: с актрисами выбирал туфли, с монтажниками ремонтировал ступеньки, с осветителями настраивал световые приборы, занимался оформлением билетов и даже составлял меню в буфете.

Никита жил театром и мечтал поднять его до высшего уровня в Москве, а если повезет – и за ее пределами. Да, мечтать мы все умеем. А Никита умел не только хорошо мечтать, но и воплощать свои мечты. Увы, не всегда честными методами! Но оправдать этот маленький недостаток можно его преданностью театру. Или нельзя? Пусть каждый читатель решит это сам, наблюдая за дальнейшим развитием событий.

Когда Даша вошла в зал, собрание уже началось. В первом ряду сидели артисты, на центральных ступеньках сцены расположился Никита, а рядом – незнакомый Даше мужчина.

– Я задержалась в университете, – виновато пробормотала она.

– Ничего страшного, – сказал незнакомец прежде, чем Никита успел открыть рот.

Это был статный мужчина сорока пяти лет. Главное, что привлекало в его внешности – пышные усы. А еще – карие глаза, выражавшие благородство и порой лукаво поблескивавшие. Одет мужчина был с иголочки: белая рубашка, строгий костюм, черные ботинки. В его почтенном облике величественность удивительным образом сочеталась с добродушием и веселостью. Когда он улыбался, усы подрагивали и привлекали внимание окружающих. На сидящих перед ним артистов мужчина смотрел покровительственно.

– Повторяю для опоздавших, – Никита недовольно зыркнул на Дарью, которая села на свободное место рядом с Евгенией Шпатовой, – сегодня к нам пришел Михаил Казимирович Новиков – глава комиссии по культурным коммуникациям. Он финансирует творческие коллективы, устраивает благотворительные концерты, помогает детям-сиротам. Михаил Казимирович заинтересовался нашей постановкой и хочет организовать спектакли в социальных учреждениях. Оплата не предусмотрена, но на подобных мероприятиях присутствуют режиссеры, продюсеры, журналисты – в общем, это наш шанс заявить о себе.

– Прежде всего, это ваш шанс подарить детям праздник! – произнес Михаил Казимирович таким звучным и строгим голосом, что у артистов по коже пробежали мурашки.

Новиков возмущился меркантильностью режиссера. Никита сразу ему не понравился, но если поначалу Михаил скрывал неприязнь, оставаясь в рамках делового этикета, то теперь не сдержался. Дети для Михаила – святое. Он не позволит обогащаться на сиротах, которым и так несладко живется.

– Прежде всего, – повторил Михаил Казимирович, – артист должен понимать, *куда* он едет и перед *кем* выступает. Это не те беззаботные ребятишки, которых вы видите здесь по вечерам. Это – брошенные дети! Если они чувствуют искреннюю заинтересованность, то готовы вам в ноги кланяться! Это очень ранимые дети, но в то же время жестокие. Если вы готовы проявить стойкость, любовь и сочувствие – спектакль состоится. А если рассматриваете мероприятие как возможность засветиться перед нужными людьми, то нам не о чем разговаривать.

Михаил поднялся со ступенек. Его последняя фраза была адресована пристыженному режиссеру.

– Подождите! – воскликнула Ксения Лаврова и тоже поднялась с места. – Михаил Казимирович, не уходите!

Новиков обернулся и выжидающе посмотрел на Лаврову.

– Мы понимаем, что это не рядовой спектакль и помимо актерского мастерства от нас потребуются другие умения. Поверьте, мы хорошо ладим с детьми. Мы же артисты, и наша работа – дарить людям праздник, – спокойно произнесла женщина. – Я считаю, что каждый должен помогать ближним по мере возможности: не получается помочь деньгами – помощи одеждой. Нет лишней одежды – угости конфеткой. Нет конфетки – поддержи добрым словом. Иногда одно слово, сказанное с любовью, окрыляет человека! Я точно знаю, что сиротам не нужны сочувственные взгляды. Их надо поддержать, развеселить и вдохновить своим примером. Наш коллектив именно такой – веселый, разговорчивый, целеустремленный. Мы – то, что вам нужно! – Ксения искренне хотела помочь детям и в то же время отстаивала честь родного театра. – Михаил Казимирович, я готова помочь не только как артист. Я принесу теплые вещи, игрушки, сладости, канцелярские товары. Что еще нужно?

По лицу Михаила Казимировича было видно, что эти слова возымели нужное действие. Он о чем-то задумался.

– А я готова приехать без спектакля, – сказала Женя. – Наверняка дети меня знают и будут рады пообщаться.

Михаил Казимирович перевел взгляд на Женю и странно сощурился.

– Если не ошибаюсь, вы играли Викторину в сериале «У нас не все дома»?

Шпатова радостно закивала.

– Да-да, это я!

– Евгения, поверьте, я уважаю вас как актрису и ценю желание помочь, но вряд ли дети вас знают. Им не разрешают смотреть сериалы, в которых главные герои – лентяи и неудачники.

Даша с трудом подавила улыбку, радуясь, что хоть кто-то поставил на место эту выскочку.

Женя скрестила руки на груди и отвернулась. Возразить было нечего.

– Михаил Казимирович, – осторожно обратился к нему Никита, – как режиссеру, мне важно не только меценатство, но и успех театра. Мы работаем год и при этом не имеем постоянного финансирования. Я цепляюсь за любую возможность получить известность. А так, конечно, хочу помочь детям и поддержать государственный проект. Надеюсь, теперь мы правильно поняли друг друга и можем продолжить беседу?

С минуту Новиков молчал – наверное, размышлял, стоит ли иметь дело с этим человеком. Он внимательно оглядел взволнованных актеров, и его взгляд задержался на Ксении Лавровой. В искренности этой женщины сомневаться не приходилось.

– Утром я отправлю к театру служебный автобус. Он отвезет вас в детский дом.

– А где он находится?

– Далеко, примерно за Митино. С этой минуты можете считать меня официальным спонсором «Калейдоскопа». До завтра.

Под изумленные взгляды Новиков пересек сцену и вышел. Никита, потрясенный заявлением о спонсорстве, не сразу опомнился.

– Обсуждение нового спектакля откладывается! – закричал он. – Завтра важное мероприятие, будем репетировать допоздна!

– Хотя бы скажи, что за спектакль, – промурлыкала Женя, – нам ведь интересно.

– Да, – поддержала Ксения, – я тоже хочу знать.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – подколот ее Христофоров. – Обо всем расскажу на следующей репетиции.

– А у меня большая роль?

– Женя, не раздражай меня, иначе будет самая маленькая!

Даша печально вздохнула. Она возлагала на этот спектакль большие надежды, и ей тоже не терпелось узнать подробности. Она мечтала о хорошей роли и высокой зарплате.

«И почему многие уверены, что актеры зарабатывают миллионы? – подумала Дарья. – Киноактеры, возможно, получают баснословные гонорары, но не театральные. Мне, например, приходится работать официанткой, чтобы платить за квартиру, еду и проезд. Даже Шпатова жалуется на зарплату, а у нее в спектакле главная роль, значит, и зарплата больше... Хотя это же Шпатова! Она всегда и на все жалуется».

Глава 4

В десять утра служебный автобус прибыл в район Митино. Невыспавшиеся артисты сразу взбодрились, стали переговариваться друг с другом и напряженно всматриваться в унылую местность. Они проезжали спальный район, застроенный в основном ветхими пятиэтажками грязно-желтого или серого цвета с деревянными рамами и провисающими балконами.

Дорога была с колдобинами. Автобус подпрыгивал, и пассажиров трясло так, что приходилось держаться за спинки стоящих впереди кресел.

– Захолустье какое-то, – шепнула Люба на ухо Ксении. – Кругом бараки и людей не видно. А нет, видно: за гаражами два гастарбайтера дерутся.

– А как ты представляла Митино? Райские кущи?

– Зря ерничает, Ксенька. Это уже не Митино, – боязливо заметила Люба. – Эй, Сан Валерьевич, куда мы едем? – громко спросила женщина водителя.

На ее голос обернулись остальные артисты. Затем они вопросительно посмотрели на режиссера.

Никита кашлянул.

– Я понимаю, это выглядит странно...

– Не странно, а страшно! – поправила Женя. Она с ужасом глядела на полуразрушенный завод, выпускающий клубы черного дыма. Завод находился слева от дороги. Справа валялся обгоревший мусор.

– Я знаю не больше вашего! – рассердился Никита. – Водитель нас везет, у него и спрашивайте! Саш, долго еще?

– Пять минут. Готовьтесь к выходу и не пугайтесь – окраина есть окраина.

Водитель свернул в частный сектор. Проехав несколько однообразных улиц, автобус остановился у деревянной ограды с табличкой «Детский дом №8».

Принадлежавший детскому дому дворик выглядел бедно, но аккуратно. В одной его части располагались карусели и горки для малышей, в другой – скамейки и цветочные клумбы. Видно было, что за цветами ухаживают, а дорожки тщательно подметают.

Когда артисты стали выгружать из автобуса реквизит, им навстречу вышел Михаил Казимирович.

– Здравствуйте! Надеюсь, доехали без приключений?

– Да, все хорошо, – ответил Никита.

– Идемте, познакомимся с ребятами.

Они направились к двухэтажному кирпичному зданию. Новиков первым вошел в дом.

– А вот и дорогие гости! Улыбайтесь, – шепнул он артистам, – вы приехали развлекать детей, а не вгонять в депрессию сочувствием и жалостью.

В холле витал запах сарделек и свежей выпечки. Холл показался гостям светлым и уютным. Здесь все выглядело прилично, не считая обшарпанного линолеума. На стенах – детские фотографии и рисунки, на тумбочках – комнатные растения, в углу – старенький шкаф. Со шкафа свисали гирлянды, хотя до Нового года было далеко.

Гостей встречали воспитательницы, журналисты и члены благотворительной организации, которую возглавлял Михаил Казимирович. У стены выстроились в шеренгу пятьдесят ребятишек от мала до велика. Некоторые из них смотрели на гостей с благоговением, другие – спокойно, третьи – гордо и безразлично, четвертые прятались за спинами старших. Некоторые дети вообще не интересовались гостями – они алчно глядели на привезенные пакеты.

– Подарки получите после спектакля, – строго сказала воспитательница и обратилась к артистам. – Идемте, я провожу вас в актовый зал.

Через час Даша произнесла со сцены свою реплику и ушла в детскую, выделенную артистам под гримерку. Там девушка переоделась и решила вернуться в зал, чтобы досмотреть спектакль как обычный зритель. Но не успела она отойти от гримерки на пару шагов, как услышала жалобный плач, доносившийся из соседней комнаты. Арсентьева машинально схватилась за дверную ручку, но не решилась войти. Даша по себе знала, что иногда лучше поплакать в одиночестве. Сомнения отпали, когда плач перешел в душераздирающий визг.

Дарья распахнула дверь и увидела троих мальчишек, которые дрались с маленькой девочкой. Девочка плакала, прижимая к груди потрепанную куклу. Она позволяла себя бить, щипать и таскать за волосы, но не отпускала игрушку.

– Как вам не стыдно?! – закричала Даша. – Во-первых, она младше вас, а во-вторых, она – девочка! Де-воч-ка! – с расстановкой повторила Дарья. – Нашлись герои! Бросились на того, кто слабее! И это будущие защитники Отечества? Будущие мужчины? Нет, вы не мужчины. Вы тряпки! Вон отсюда!

Маленькие сорванцы убежали, не сказав ни слова. И вряд ли они в чем-то раскаивались. Они трусили из-за постороннего человека.

Даша опустилась на колени рядом с малышкой.

– Как тебя зовут?

– Ка-Катя. – всхлипнула девочка.

– А сколько тебе лет?

– Восемь.

Даша хотела погладить девочку по голове, но та отшатнулась, словно от удара, и крепче прижала к себе измусоленную куклу.

– Не бойся, я же хочу помочь. Можно взглянуть? – Даша взяла куклу из Катиных рук и печально вздохнула. – Это была твоя любимая игрушка?

Катя промолчала – или не хотела отвечать, или не могла из-за душивших её слез.

Только сейчас Даша внимательно рассмотрела девочку, и её сердце дрогнуло от сострадания и жалости. Катя была маленького роста, худая, бледная, как будто сильно болела. Одета она была в простенький сарафанчик, из-под которого выглядывала тонкая блузка. Ее каштановые волосы растрепались, а голубые глаза блестели от слез. Во взгляде отражался почти животный страх.

– Не бойся, – повторила Даша и наклонилась к малышке.

На этот раз Катя не отстранилась. Она робко положила правую руку на плечо Дарьи, затем левую, а спустя минуту решилась обнять свою спасительницу.

Даша чувствовала, что девочка дрожит, но не понимала, дрожит она от холода или от страха. Казалось, страхом проникнуто ее тело – плечи высоко подняты, будто Катя хочет втянуть в них голову, а руки прижаты к бокам.

– Пойдем в зал, – мягко произнесла Дарья. – Ты пожалеешь, если пропустишь интересный спектакль.

– А вы посидите со мной?

– Я ненадолго отойду, а потом – да, вернусь и посижу с тобой.

Катя хотела спросить, куда уходит Даша, но решила не сердить её вопросами. Вероятно, читатель понимает, что Даша бы не рассердилась, но такое мнение о людях сложилось у Кати под надзором строгих воспитательниц, поварих и угнетающей атмосферы ненужности, в которой росли пятьдесят таких же ребят.

Вскоре Даша вернулась и вручила Кате новую куклу. Даша купила ее в магазинчике на соседней улице. Несмотря на захолустный район, цены здесь оказались бешеными, но у Даши не было времени искать игрушку дешевле. Кукла стоила полторы тысячи и показалась Даше самой красивой.

– Это мне? – недоверчиво спросила Катя.

– Тебе.

– Только мне? Она только моя, да?

– Конечно, – ответила Дарья, удивленная Катиной реакцией, – играй, сколько хочешь. Нравится?

– Очень. – улыбнулась Катюша.

Девочка боялась поверить в происходящее. Неужели она держит в руках такую красивую куклу и может играть с ней в любое время? Заплетать косички, одевать ее, купать, баюкать? Ах, какая она красивая! Даже дотронуться страшно!

– Зря вы это сделали, – услышала Даша чей-то шёпот и обернулась.

Справа от неё сидела девушка лет семнадцати. Её длинные светлые волосы спутались, безобразная родинка на щеке сразу привлекала внимание. Зеленые глаза с сожалением глядели на Катю.

– Вы зря подарили ей дорогую игрушку.

– Почему?

– Думаю, вы хороший человек и хотели, как лучше, но вы оказали Кате медвежью услугу. Это приют. Здесь ни у кого нет личной игрушки. Все общее. Не хочешь делиться – отберут силой. Даже если детям постарше не нужна эта кукла – все равно отберут. Здесь не любят покровительства малышам. Когда вы выйдете за порог, у Кати отберут куклу, – повторила девушка.

Даша взглянула на Катю. Девочка даже не смотрела на сцену. Она с восторгом ощупывала куклу, накручивала на пальцы её золотистые локоны и что-то восхищенно бормотала.

– Я попрошу воспитательницу, пускай проследит, чтобы кукла осталась у Кати.

– Воспитательницы не проявляют симпатий-антипатий. Это их работа – ко всем относиться одинаково и следить, чтобы дети росли в равных условиях. А если кто-то и согласится присмотреть, все равно не уследит. Воспитателей трое, а нас пятьдесят. И мы не круглосуточно на виду – есть уроки, прогулки, сон-час.

Даша не имела понятия о законах жизни в детских домах, и услышанное ее испугало.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Это участь всех малышей. Кто сильнее и старше – занимают лидирующие места, а кто слабее – подчиняются. Раньше я думала, что те, кого в детстве мучили, вырастут и не будут обижать малышей, ведь они знают, как это больно. Но нет, они уподобляются обидчикам, потому

что хотят отыграться – мол, я страдал, теперь ваша очередь. Или же просто не научены другому поведению. Но чаще – это способ развлечься. Кстати, меня зовут Кристина.

Даша настороженно присматривалась к собеседнице. Эта девушка не была похожа на детей, которых описывала, но и не производила впечатления запуганного ребенка. Ее зеленые глаза глядели на окружающих равнодушно – не прочесть в них интереса, радости или печали. Полное безразличие. И Даша не знала, что коробило ее больше – страшные вещи, о которых говорила Кристина, или будничным тон, которым она о них говорила. Даша заметила, что Кристина говорила заумно, и это не увязывалось с интеллектом и манерами детей, живущих в детских домах. Держалась девушка высокомерно, словно осознавала свое превосходство над остальными.

У Даши возникло множество вопросов, но задала она тот, что с самого начала вертелся на языке.

– Кристина, а ты тоже обижаешь младших?

Девушка гордо вздернула подбородок.

– Нет. Я никогда не опускалась до этого уровня. А если с кем-то дралась, то чтобы отстоять свои права. Я провела здесь не всю жизнь, а полтора года, и нормальные человеческие отношения мне не чужды. Я не была лишена материнской ласки и отцовских советов. Мои родители были уважаемыми людьми. Но однажды случилось несчастье, и я оказалась здесь. Недельку рыдала в углу, ничего не ела, никого не хотела видеть, а потом поняла, что надо жить дальше. Первым делом я захотела, чтобы меня уважали. Уважают – значит не трогают. Я редко ввязывалась в драки, избегала их с помощью диалога и шантажа, – с гордостью говорила Кристина, но Даша не понимала, чем тут гордиться, разве что силой духа, ведь потерять родителей – большое горе, а научиться жить самостоятельно – испытание. – Когда я попала сюда, мне было шестнадцать. Большинство детей младше меня, а младшие боятся старших, поэтому меня не трогали. Да зачем я это рассказываю? – девушка махнула рукой. – Вам, наверное, неинтересно.

– Я искренне тебе сочувствую, – ответила Даша. – Если бы я могла чем-то помочь...

– Вы уже помогли. Я выговорила. Впервые за полтора года кто-то выслушал.

– А воспитательницы? Они же обязаны предотвращать ссоры.

Кристина кивнула.

– Они вмешиваются и следят, чтобы дети росли в равных условиях. Но беда в том, что сами дети не хотят быть равными. Они не знают родительской ласки, не имеют личных вещей, вот и пытаются выделиться по-другому... И тогда начинаются проблемы: на них обрушивается зависть сверстников. Поэтому честные воспитательницы не поощряют индивидуальность, а нечестные еще и воруют, хотя, казалось бы, что здесь можно украсть? – Кристина усмехнулась. – Видите, штукатурка на потолке потрескалась?

Даша запорокинула голову.

– Вижу.

– Деньги на ремонт выделили весной. Директриса пообещала спонсору нанять бригаду строителей, чтобы те покрасили стены, побелили потолки и заменили стулья. А в итоге мы, дети, неделю всё мыли и убрали. А чтобы проверяющие не заметили трещины на стенах, директриса велела прикрыть их рисунками.

– А куда делись деньги, выделенные на ремонт?

– А вы у нее спросите, – Кристина кивнула на тучную пятидесятилетнюю женщину, сидевшую в конце зала с членами комиссии. – Это Римма Павловна, наша директриса. Она приказывает выделенные деньги не только на ремонт, но даже и на еду. А потом возмущается, когда из школы приходят жалобы на воспитанников, промышляющих воровством.

Даша округлила глаза.

– Дети воруют?

– А вы не осуждайте, – нахмурилась Кристина. – Дети воруют не потому, что плохие, а потому, что хочется съесть конфетку или выпить баночку фанты, а никто не позволяет – мол, вредно.

Дарья была поражена услышанным до глубины души.

– Для меня кошмар скоро закончится, – продолжала Кристина. – Через две недели мне исполнится восемнадцать и я навсегда уйду из этого дома. Я не буду приезжать в гости и не буду никого вспоминать, – пылко произнесла девушка. – Я провела здесь полтора года, но ни к кому не питаю родственных чувств, и никто не питает их ко мне. Там, за забором, у меня тоже никого нет, но мне не страшно. А вот Кате не поздоровится. Поверьте, у нее отберут куклу, как только вы уедете.

Вскоре Даша убедилась в правоте Кристины. Дети, сидевшие поблизости, и мальчики, и девочки бросали на Катю недобрые взгляды. Не то чтобы смотрели с завистью, но Катя, любящаяся куклой, привлекала их внимание.

– Я не могу, – шепнула Даша. – Я сказала Кате, что кукла принадлежит только ей.

Кристина поджала губы.

– Она расстроится. Но лучше забрать куклу сейчас, чем сознательно подвергнуть Катю опасности.

Даша давно не чувствовала себя так паршиво. Она обняла Катю и уткнулась лицом в ее волосы. Девочка тоже обняла Дашу, крепко сцепила ручки у нее за спиной. Видимо, больше куклы ребенку нужно было внимание и ласка.

Глава 5

После спектакля артисты долго общались с детьми – говорили о любимых книгах и литературных героях, потом изображали этих героев в мини-сценках. В сценках участвовали все желающие. Взрослые старались не только вдохновить детей своим примером, но и привить им любовь к искусству.

– Возможно, в будущем кто-то из вас станет знаменитым актером или режиссером, – вещал Никита с табуретки. Дети слушали его с открытыми ртами. Чем-чем, а даром красноречия Христофоров не был обделен. – Ребята, вы знаете, кто такой режиссер? – Никита с важностью поглядел на юных слушателей. – Режиссер – это рычаг управления в сложной и непредсказуемой машине под названием «Театр». Не будет рычага – машина не сдвинется с места. А если и сдвинется, то сразу развалится или покатится под откос. Запомните: режиссер – главный человек в театре. Режиссер – это рычаг, а артисты – болтики и гаечки. Гаечки заменимы, а найти хороший рычаг практически невозможно.

– Я сейчас кому-то покажу болтики-гаечки! – возмутилась Люба и замахнулась на Никиту энциклопедией. – Между прочим, Михалков зовет меня сниматься в новый фильм, что будешь делать, если я соглашусь? – женщина хитро прищурилась. – Трудно совмещать театр и съемки у самого Михалкова.

Никита признал поражение и, встав перед Румянцевой на колени, взмолился:

– Любочка, милая, я же пошутил! Ты незаменимая актриса! Ты – рычаг, мотор и колеса нашего театра, только не уходи!

Дети засмеялись. Им нравилось беседовать с творческими людьми, ведь беседа была непосредственной, а главное – артисты общались с ними на равных, как со взрослыми, без наигранной жалости и сюсюканья. Поначалу актеры замечали испуганные и угрюмые взгляды, многие ребята стеснялись, но постепенно втянулись в игру. Артисты тоже расслабились, когда поняли, что перед ними самые обычные дети, которые тоже любят играть, смеяться, рисовать и даже сочинять стихи.

Все это время Катя ни на шаг не отходила от Даши. Правой рукой девочка крепко держалась за ее руку, а левой сжимала новенькую куклу. Даша пока не знала, как сообщить ей, что куклу придется вернуть. Она с виноватой улыбкой глядела, как девочка баюкает куклу и укрывает её полотенцем, как кладет ей в рот соску и заплетает косички.

Воспитатели бросали на Катю удивленные взгляды, а удивляться было чему: впервые на их памяти девочка не втягивала голову в плечи, будто хотела укрыться от людей, как страус прячется в песок. Это вжимание вошло у Кати в привычку и стало сказываться на осанке. Но сейчас плечи девочки были расправлены. Катя производила впечатление довольного жизнью ребенка, а все потому, что рядом с Дашей почувствовала себя в безопасности. Видя улыбку девочки, Даша тоже улыбалась, и ей не хотелось принимать решение. В то же время Даша понимала, что будет предательством с ее стороны смалодушничать и, как сказала Кристина, сознательно подвергнуть Катю опасности. Наконец, Даша решилась. Она начала разговор издалека.

– Катя, если дети попросят у тебя куклу, ты дашь им поиграть?

– Они не попросят. Они отберут.

– Почему ты так думаешь?

Катя напряженно глядела на куклу. Ее улыбка погасла, пальчики непроизвольно сжались в кулачки.

– Катюша? – Даша тронула ее за плечо. – Почему?

– Они всегда так делают, – прошептала Катя и отвернулась, пряча глаза, полные обиды и слез.

И тут Даша поняла: восьмилетняя Катя не хуже семнадцатилетней Кристины знала, что ее ожидает после отъезда гостей. Вот почему девочку не интересовали спектакль и беседа с артистами! Катя понимала, что у нее никогда не будет своей куклы. Она хотела вдоволь наиграться за проведенные здесь годы и за годы, которые еще предстоит пережить здесь.

Даша ничего перед собой не видела – слезы застилали глаза. Внутри у нее будто что-то сломалось. Наверное, она оказалась психологически не готова приехать сюда и узнать то, что узнала. Даша попыталась вспомнить, когда в последний раз звонила родителям в Нижний Новгород. Потом подумала о своем детстве: утром мама будила ее в школу, но никогда не готовила завтрак и не целовала на прощание, как делали мамы одноклассниц. Дашу это огорчало, хотя она понимала, что мама торопится на работу. Расстраивало и то, что младшему брату доставались дорогие игрушки, у него не было обязанностей, а с нее спрашивали, как со взрослой, уже в десять лет. Даша обижалась за несправедливые упреки и насмешки над ее главной мечтой – стать актрисой. Она дулась, сердилась, по целым дням не разговаривала с родителями, а кто-то отдал бы жизнь, чтобы хоть на день обрести семью.

А как весело Арсентьевы праздновали Новый год! Всей семьей готовили салаты, наряжали елку и жгли бенгальские огни. Даша обходила десятки магазинов в поисках подарков, но настоящее удовольствие получала, когда мастерила подарок своими руками, пусть это было по-детски. Ох, как же поспешила Даша вырваться в Москву из-под родительского крыла! Как ценны мгновения, которые мы проводим с мамами, папами, братьями, сестрами, бабушками и дедушками! Они не просто дороги, они бесценны, но в минуту расставания мы не думаем о будущем и не придаем значения мелочам. Мы отмахиваемся от родительской заботы и раздражаемся по пустякам, транжирим сокровищами, которыми не обладают другие дети. Счастье, если можно в любой момент обнять родителей, пожаловаться им на усталость и несправедливость мира. Но как быстро мы забываем об их заботе, строим из себя обиженных и демонстративно молчим, если мама ворчит из-за немытой посуды. Родители – это люди, которые любят нас жертвенной, почти совершенной любовью! Сколько бы мы их ни обижали, они все равно любят. И мама все равно приготовит ужин, чтобы дитя не осталось голодным. Но Катю мама никогда не будила в школу, не ворчала на нее из-за грязной посуды, не купала в ванной

с пузырьками и не читала на ночь сказку. У Кати не было мамы, не было главного сокровища. Не было и никогда не будет.

– Почему ты плачешь? – спросила Катюшка.

Даша вытерла слезы и через силу улыбнулась.

– Я не плачу, солнышко. Сядь ко мне на колени, я тебя обниму.

– А можно Соня тоже сядет?

– Соня? – Даша оглянулась на девочек, которые собирали мозаику с Любой Румянцевой. – Соня – это твоя подруга?

– Соня – это кукла! – с улыбкой пояснила Катя.

– А-а, вон оно что...

Так они и просидели в обнимку до вечера – Даша, Катя и Соня.

Время пролетело незаметно, и когда настала пора прощаться, дети столпились у автобуса. Они не хотели отпускать артистов.

Даша протянула Кате клочок бумаги.

– Это мой адрес и номер телефона. Звони в любое время.

– Нам не разрешают звонить, – чуть слышно ответила Катя. Ее голос дрожал. За один день она полюбила Дашу так сильно, как за восемь лет не смогла полюбить никого в этом доме.

– Водитель ждёт! – поторопил Никита.

Даша смотрела по сторонам и думала: «Где справедливость? Почему дети живут в захолустном районе с серыми домами? Почему они отнимают друг у друга игрушки?» Даша провела день за МКАДом, но казалось, будто она побывала в параллельном мире. Да, жизнь прекрасна и за МКАДом, если есть дом, в котором тебя любят. Но если это детский дом, то мы от него отворачиваемся, стараемся не замечать и делаем вид, будто его не существует. Каждый думает: «Почему именно я? Пусть поможет кто-то другой!». Но если не поможешь ты, не поможет никто, все будут проходить мимо бабушек, с трудом передвигающих ноги; детей, роющихся в мусорных баках; мимо самой жизни.

– Ты больше не приедешь? – всхлипнула Катя. – Никогда-никогда не приедешь?

Даша молчала, а её сердце бешено колотилось, глаза щипало от слез. Она чувствовала, что расплечется, если произнесет хоть слово. Не было сил отвечать, не хватало смелости поднять взгляд и сказать ребенку что-нибудь на прощание.

– Даша, ждем только тебя! – крикнул Никита уже из автобуса. – Поторопись, если не хочешь добираться домой на попутках!

Даша бросилась к автобусу, нонепотому, что боялась опоздать. Она бежала, потому что больше ни секунды не могла глядеть в это милое личико.

Когда автобус тронулся с места, Даша облокотилась на спинку сидения и включила музыку. Но перед глазами то и дело всплывало заплаканное лицо Кати, а в ушах вместо музыки звучал ее голос, спрашивавший: «Ты больше не приедешь?»

– Это не дети, а волчата! – воскликнула Юля, наутро выслушав Дашин рассказ о поездке в приют.

Девушки сидели в лекционной аудитории. Вокруг было шумно, и они могли не опасаться, что кто-нибудь услышит их разговор.

– Такое чувство, будто перед глазами повесили картинку, и я не вижу ничего, кроме нее, – прошептала Даша. – Я помню Катины крики... И гадаю, отобрали у нее куклу или нет. – Она потерла покрасневшие глаза.

– Дашка, ну ты чего? Успокойся.

Юля понимала, что банальное «успокойся» не поможет, но не знала, как поддержать подругу. Она не забыла Дашины истерики из-за неудач в театре; помнила ее зареванную в конце первой сессии – тогда экзамены едва не довели до нервного срыва обеих; переживала за Дашу, когда та сходила с ума от одиночества в съемной квартире. И всегда Юля приезжала, выслушивала и помогала добрым советом. Но сегодня ее слова не действовали.

– Юль, я всю ночь не спала – думала о том, что детей выдают жесты и взгляды.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты была права, когда назвала детей волчатами. У них волчьи манеры: они привыкли драться, зло шутить друг над другом. Иногда они это делают ради забавы, а иногда детям просто хочется конфетку или поиграть в машинки, но машинок на всех не хватает, а конфеты выдают по расписанию! Кристина призналась, что воспитанники воруют: когда у одноклассника симпатичный карандашик украдут, а когда в магазине лимонад мимо кассы пронесут. Юль, я не понимаю, как можно по-зверски относиться к людям, с которыми живешь бок о бок? – чуть не плача вопрошала Арсентьева. – Да, они не родные по крови, но они живут в одной комнате. Они вместе едят, спят, играют, гуляют. Ты бы видела, как они издевались над Катей!

Юля обняла подругу за плечи.

– Смирись. Ты не можешь сделать в приюте евроремонт и подарить каждому ребенку по фургону конфет. Тебе надо отвлечься и подумать о чем-то хорошем.

– Ладно. – Даша видела, что Юля ее не понимает, поэтому проще было согласиться, чем объяснить, что сердце рвётся на части. – Скорее бы узнать о новом спектакле. Может, мне дадут роль побольше?

– Конечно, дадут! – Юля обрадовалась, что Даша сменила тему. – Куда они денутся после стольких уговоров? Сейчас закончится лекция, поедешь в театр и все узнаешь.

Глава 6

«В институт опаздываю, в театр – тоже, – ругала себя Дарья, поднимаясь в зрительный зал и на ходу снимая куртку. – Если вечером и в кафе опоздаю, начальница сократит и без того маленькую зарплату...»

Она вошла в зал и увидела коллег, рассаживающихся на стулья. Из-за кулис показался Никита с кипой бумаг.

– Даша! – он с упреком взглянул на девушку и постучал по циферблату наручных часов.

– Извини. Я и так ушла с середины лекции.

– Садись уже, студентка. Без тебя не начинаем, а всем не терпится узнать о спектакле.

Даша заняла место в первом ряду, а Никита устроился на центральных ступеньках сцены и положил рядом свои бумаги.

– Дорогие коллеги, – торжественно начал он, – «Грозу» Островского все читали?

Артисты кивнули. Да и кто мог не читать это знаменитое произведение?

– Новая постановка – «Гроза»? – догадалась Ксения.

– Да. И не буду вас мучить, сразу объявлю исполнительницу главной роли – это Женя Шпатова.

Кто бы сомневался! – хмыкнула про себя Дарья, но вместе с коллегами поаплодировала Жене.

– Роль Марфы Игнатьевны Кабановой, или просто Кабанихи, достается, – для эффективности Никита забарабанил пальцами по ступеньке, – Любе Румянцевой! И не благодари! – воскликнул парень, заметив, что Люба хочет что-то сказать. – Ты идеально подходишь на эту роль, лучше всех знаешь...

– Стоп-стоп-стоп! – Люба замахала руками и вскочила со стула, чтобы Никита замолчал и дал ей высказаться. – У меня большая роль в «Усадьбе Крыловых», я занята три вечера

в неделю! В свободные дни я не отдыхаю, а пропадаю на съемках. Мой график расписан по минутам! Я не потяну еще одну серьезную роль. Со съемочной группой контракт заключен, я не могу отказаться. К тому же съемки – увлекательный процесс...

Христофоров стукнул кулаком по ступеньке.

– Люба! Я не рассматривал другие кандидатуры на эту роль, у меня и мысли не возникло, что ты откажешься! Ты подходишь по комплекции, темпераменту, голосу. Я не представляю, кто еще столь гармонично впишется в образ Кабанихи!

– Может, я попробую? – предложила Ксения, и коллеги удивленно посмотрели на неё.

– Ты? – переспросил Никита. – Нет, это даже не смешно.

– Я серьезно!

– Ксюша, ты бриллиант нашего театра. Я не скрываю, что держусь за тебя, Любу, Бориса и Женю, как за спасительную соломинку, но ты и Кабаниха, – Никита развёл руками. – У тебя стройная фигура, грациозные движения, ты выглядишь моложе своих лет. Какая из тебя Кабаниха?

– А я, значит, толстуха и выгляжу старше своих лет? – вкрадчиво осведомилась Румянцева. – Ну, спасибо.

Все засмеялись, а режиссер пустился в оправдания.

– Любочка, я не это имел в виду! Ты обворожительна, идеальна и гениальна, но для определенных весовых категорий...

Румянцева тоже захохотала.

– Никита, подхалимство – твоя визитная карточка. Но я и без твоих вялых комплиментов знаю, что я видная женщина.

В зале раздался смех.

– Я рад, что вам весело, – закричал разозленный Никита, – но давайте вернемся к спектаклю! Ксюша, я не вижу тебя в роли Кабанихи. Даже если костюмеры подберут объемное платье, а гримеры состарят твоё лицо, с голосом мы ничего не сделаем. Голос должен быть низким, с хрипотцой, где-то с природной задоринкой, в общем, как у Любы.

Никита бросил умоляющий взгляд на Румянцеву, но та хмыкнула и отвернулась. Её решение было окончательным.

– Вот именно! Для Любы это – естественная манера общения, ей практически не нужно играть. А я хочу *сыграть*, хочу перевоплотиться в героиню, противоположную мне и по характеру и, по комплекции. Никита, дай мне шанс, – попросила женщина.

Никита вытащил из кипы бумаг какой-то листок и протянул его Лавровой.

– Это монолог Кабанихи из второго действия. Прочти резким и звучным голосом.

На лице Ксении застыло выражение чрезвычайной сосредоточенности. От напряжения у нее на лбу даже прорезалась морщинка. Она степенно и гордо поднялась на сцену, встала лицом к Никите и раздраженно, с презрением воскликнула:

– Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта: ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют! – женщина всплеснула руками и, повернувшись к коллегам, посетовала: – Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на волю хотят; а выйдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям! Конечно, кто и пожалеет, а больше смеются... Да не смеяться-то нельзя! – Каждое слово, произнесенное Ксенией, сочилось ядовитой насмешкой: – Гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь, так плюнешь, да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. – Ксения махнула рукой. – Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

В зале прозвучали аплодисменты. Лаврова благодарно улыбнулась коллегам и посмотрела на режиссера. Он кивнул.

– Что ж, неплохо.

– Неплохо?! – возмутилась Люба. – Да это великолепно! Никита, я не понимаю, о чем ты думаешь?

Никита пожал плечами, вычеркнул инициалы Любы, стоявшие в списке напротив «Кабанихи», и вписал туда Ксению Лаврову.

– Если других вариантов нет, – с досадой пробормотал он себе под нос, – не предлагать же эту роль молодежи. Кстати, о молодежи. – Никита впился взглядом в Дарью Арсентьеву, и от волнения её сердце на секунду замерло, а потом зашлось в бешеном ритме. – Даша, ты будешь играть Варвару.

Даша не поверила своим ушам. Это же самая большая роль после Катерины!

– Ко-кого я буду играть? – с запинкой переспросила девушка.

– Варвару Кабанову.

Даша едва не запрыгала от радости. Эмоции переполняли, но девушка постеснялась проявить их, поэтому сдержанно ответила:

– Я сделаю все, чтобы оправдать твое доверие.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Христофоров. – Ты давно работаешь в театре, а произносишь одну фразу, и я подумал, что пора выходить на новый уровень. Но ты непрофессионал, и, чтобы сыграть достойно, придется много работать.

– Я готова!

Даша больше не могла скрывать радость, ей хотелось пуститься в пляс. Артисты заулыбались, видя восторг молодого дарования. Только Женя насупилась: в большинстве сцен ее героиня взаимодействует с Дашиной.

– Почему Варвару будет играть именно Даша? Никита, на твоём месте я бы выбрала квалифицированную актрису.

Даша подняла взгляд на Шпатову, и внутри у неё что-то оборвалось. Одно слово этой звезды – и Никита изменит решение.

– В Даше есть харизма, и она подходит внешне, ее даже гримировать не придется... разве что глаза подчеркнуть, – добавил Никита, задумчиво всматриваясь в лицо Арсентьевой. – Но если не справишься, – он погрозил пальцем, – и начнешь пропускать репетиции...

– Я справлюсь! – заверила Дарья. – И репетиции не пропущу.

Никита сделал пометки в блокноте и посмотрел на сидящих перед ним артистов. Его взгляд задержался на сорокалетнем Борисе Грачеве, который до «Калейдоскопа» играл в парижском мюзикле.

– Борис – Борис Грачев! – торжественно объявил Никита. – Тихон – Артем Зорин. – Он поднял взгляд на двадцатипятилетнего парня, окончившего ГИТИС. – Глаша – Татьяна. – Он кивнул молодой девушке. – Кулигин – Николай, Дикой – Миша. Возражений нет? Отлично. Жду вас завтра на репетицию. Пожалуйста, выучите свои реплики из первого действия.

– Завтра же спектакль! – удивился Зорин.

– Привыкайте. С утра до вечера – репетиция, вечером – спектакль. В те дни, когда спектакля нет, будем репетировать и по вечерам. Любочка, – Никита умоляюще взглянул на Румянцеву, – сыграешь полусумасшедшую барыню? Роль вот такая малюсенькая.

Он показал расстояние между большим указательным пальцем, которое было около двух миллиметров. Женщина снисходительно улыбнулась и покачала головой.

– Понял. Больше не уговариваю, – с траурным видом произнес режиссер.

Никита не скрывал разочарования, ведь Люба – отличная приманка для зрителей. Многие приходили только чтобы увидеть на сцене ее, Ксению, Бориса и Женю. Собственно, поэтому режиссер потакал их капризам.

Глава 7

Эмоции от поездки в детский дом постепенно утихли. Даша вспоминала о Кате, но уже без слез и чувства вины. С утра до ночи девушка была занята работой в театре и кафе, много времени отнимал университет, и она не успевала беспокоиться еще о чем-то.

Прозвенел звонок, и студенты вздохнули с облегчением. Монотонный голос преподавателя и духота в аудитории их совсем разморили. Через минуту Даша и Юля остались вдвоем.

– Зайдем в кафе, съедем по пирожному? – предложила Ковалева, складывая в сумку тетради. – Или ты торопишься на репетицию?

Даша посмотрела на часы.

– Время до репетиции есть. Но я сейчас не могу питаться в кафе – дорого.

– Опять? – Юля всплеснула руками. – Даша, у меня слов нет! В конце каждого месяца одно и то же: ты согласна голодать, но ни за что не попросишь деньги у родителей.

– Давай без нотаций, и так тошно.

Юля села на край парты.

– Рассказывай.

– Да нечего рассказывать. Просто из-за репетиций я не могу работать официанткой по восемь часов, как раньше. А театральной зарплаты мало, чтобы рассчитаться за квартиру.

– То есть с увеличением нагрузки в театре ты лишилась основного заработка? – уточнила Ковалева.

– Не совсем. Я могу работать в кафе по ночам.

– Ясно. И на какую сумму ты попала со своим театром?

– С новой ролью зарплата увеличилась, – промямлила Даша.

– Даша, мы подруги или как? Называй конкретные цифры, – деловито произнесла Юля. – За эпизодическую роль ты получала тысячу рублей. Теперь зарплата повысилась и...

– И теперь я получаю девять тысяч.

Юля негодуя взмахнула руками и едва не свалилась с парты.

– Что за скупердйй ваш режиссер?!

– Это считается нормой, – вздохнула Даша. – Мне еще повезло! В театре зарплата зависит от многих факторов. – Даша стала загибать пальцы: – От образования, возраста, стажа, звания. Например, заслуженный артист России получает пятнадцать-восемнадцать тысяч. Народный – тридцать. Как думаешь, сколько может получить девушка без актерского образования и опыта?

Юля пожала плечами.

– Тысяч десять?

– Да не больше трех в государственном театре! В нашем согласились платить девять. Теперь понимаешь, почему я не могу уволиться из кафе? Но чтобы остаться там, я должна отказаться от роли Варвары.

– Глупо отказываться от роли твоей мечты, но еще глупее – бросить основную работу и остаться без квартиры. Сколько ты платишь за жилье?

– Восемнадцать тысяч в месяц.

Юля удивилась.

– В Бирюлёво комнаты сдают дороже, а тут – целая квартира на Красносельской! Тебе повезло.

– Я понимаю.

– А понимаешь, что невозможно совместить учебу и две работы?

– Как-нибудь справлюсь.

– Даша, представь свой день! В семь часов ты просыпаешься и едешь в университет. В обед из университета мчишься в театр и работаешь там до десяти вечера. После этого ты еще хочешь до трех ночи работать в кафе? Допустим, каким-то чудом ты приспособишься к этому сумасшедшему графику. А когда ты будешь готовиться к занятиям?

– В перерывах между репетициями.

– А когда ты будешь спать? Четыре часа сна – ничтожно мало при такой нагрузке. Может, ты перейдешь на заочное обучение?

– Нет.

Юля топнула ногой. Она хотела помочь и уже начинала злиться от того, что подруга отменяет ее советы.

– Значит, бросай работу в кафе! Хочешь быть актрисой – бегай по кастингам! Куда-нибудь да возьмут! Реклама, фильмы, сериалы – выбирай не хочу! Или сразу в массовку – это гарантированный вариант. В телешоу ежедневно набирают подставных зрителей и платят до полутора тысяч за съемку. Вот сколько ты зарабатываешь в кафе?

– За четыре часа – триста рублей. За полную смену – пятьсот. С чаевыми набирается около тысячи, а если повезет – две.

– Получается, работать в кафе выгодно и по времени, и по деньгам, – согласилась Юля. Она подперла рукой подбородок и о чем-то задумалась. – Знаешь, в сериалах хорошо платят...

Даша покачала головой.

– В сериал я точно не пробьюсь. А пока буду бегать по кастингам, потеряю время.

– А если не будешь бегать, вообще никуда и никогда не пробьешься! Надо хвататься за любую возможность, а не сидеть сложа руки, – Юля всерьез загорелась идеей отправить подругу на кинопробы. – Давай проведем эксперимент: одну неделю вместо учебы походишь на кастинги. А если в деканате возникнут вопросы, скажешь, что работала. В подтверждение принесешь справку из театра.

– Можно попробовать, – неуверенно ответила Дарья.

– Хвала небесам! – Юля возвела глаза к потолку. – Хоть в чем-то со мной согласилась! Есть еще одна идея: в театре работают знаменитые артисты – Ксения Лаврова, Любовь Румянцева, Борис Грачёв и эта Шпатова. Наверняка у них есть связи в кинематографе. Спроси, может, посодействуют, и ты пробьешься в рекламу без кастингов.

Дарья возмутилась.

– Я никогда не опущусь до попрошайничества!

– Надо же, какие мы гордые! А за квартиру чем будешь платить?

– Юля, я не стану пользоваться знакомством в корыстных целях, – произнесла Арсентьева, почувствовав себя оскорбленной. – Эти артисты добились успеха трудом и талантом! Я тоже буду трудиться.

Юля скептически изогнула бровь.

– Думаешь, Шпатова добилась успеха талантом?

– Думаю, ей повезло: взяли в сериал, который со временем раскрутился, и Женя стала узнаваемой в определенных кругах. Талант у Жени есть, иначе она бы не окончила ВГИК, а режиссер бы не ставил ее на главные роли.

– Ваш режиссер ставит Женю на главные роли потому, что она привлекает молодежь на спектакли, – с ехидством заметила Юля. – Ты сама говорила, что школьницы визжат от восторга, когда Шпатова выходит на сцену.

Всю дорогу до театра Даша размышляла о словах Юли. Конечно, сняться в кино – заманчивая перспектива, и об этом мечтает каждая девушка, но в кино еще надо как-то попасть. А если не получится? Если она зря потеряет время? Уж лучше синица в руках, чем журавль в небе! Лучше получать маленький, но стабильный оклад в кафе, чем тратить время на кастинги и надеяться на чудо. Кино – не сказка, а жестокий бизнес, в котором везет не каждому.

Даша ненавидела сказки о современных золушках. Она знала, что так не бывает. Никто просто так не предложит шикарную квартиру, бесплатную еду в магазине, зачет в институте

или главную роль. Только в сказках принцы находят золушек буквально на улице, а продюсеры приглашают в студию случайных прохожих. Чтобы что-то получить, будь то кусок хлеба или оценка в институте, надо потрудиться. Чтобы мечты становились реальностью, надо каждый день делать шаги к их достижению, преодолевать лень и усталость, бороться с вредными привычками. А сказки... на то они и сказки.

Когда Даша приехала в театр, за кулисами уже сидели трое артистов: Лаврова сосредоточенно повторяла роль, Шпатова с кем-то хихикала по телефону, Зорин жонглировал бутафорными кубиками, – видимо, не знал, как скоротать время до репетиции.

Обычно Даша прибегала к началу спектакля, и здесь яблоку негде было упасть: актеры толпились у сцены, выстраивались в очередь за бутербродами, искали в общем шкафу свои костюмы и реквизит; там же сустились монтажники, осветители, режиссер и администратор. Но сегодня закулисы пустовало.

– А где все? – удивилась Дарья.

– Все придут к началу спектакля, а репетиция у нас четверых, – объяснила Ксения.

Тут дверь открылась, и в гримерку вошел Никита Христофоров, а за ним – Михаил Казимирович Новиков.

– Добрый день! Рад нашей новой встрече, – взгляд Михаила задержался на Ксении Лавровой.

– Опять хотите предложить нам участие в благотворительном спектакле? – спросила женщина.

– Нет, сегодня я приехал с другой целью...

– Как спонсор театра, – перебил его Никита, – Михаил Казимирович хочет присутствовать на первой репетиции. Должен же он знать, что спонсирует. – Христофоров заискивающе улыбнулся. – Хотите чаю? Или что-то покрепче?

Новиков строго взглянул на режиссера. Он испытывал к Христофорову неприязнь с первой встречи.

– Я не пью ничего крепче кофе и вам не советую.

Никиту не смутило прохладное обращение. Он мог найти подход к каждому человеку, но если это не удавалось, Никита не отступал, а упорно продолжал, используя красноречие, лесть или угрозы – в зависимости от того, с кем имел дело.

– Михаил Казимирович, как вы могли подумать! – заюлил режиссёр. – Мы тоже такими вещами не балуемся. Просто вы – наш самый желанный гость, а гостей обычно встречают на высшем уровне.

– Чем попусту трепать языком, лучше скажите, когда начнётся репетиция, – раздраженно произнёс Михаил. – Я человек занятой и приехал с конкретной целью.

– Уже начинаем! – Никита бросился раздвигать кулисы. – Не волнуйтесь, – шепнул он артистам, – вряд ли Новиков пробудет здесь до вечера – посмотрит немного и уйдёт.

– Мы и не волнуемся, – ответила Женя. – Он же на тебя злится, а не на нас.

Никита соорудил ей гримасу и уверенно направился в зал. Усевшись рядом с Михаилом Казимировичем, он доброжелательно улыбнулся, но спонсор отвел взгляд. Никита понял, что искать подход к этому человеку придется долго.

Артисты вышли на сцену, и Никита закричал:

– Артем, возьми Женю под локоть! Она же твоя супруга, покажи, как ты ее любишь.

Затем мужчина хлопнул в ладоши и произнёс слово, которое произносил всякий раз, когда хотел, чтобы актёры начали играть: «Поехали!»

– Если ты хочешь мать послушать, – важно произнесла Ксения, обращаясь к Артему, – то, как приедешь туда, сделай, как я приказывала...

– Да как же я могу, маменька, вас послушаться! – испуганно воскликнул Артем.

– Не очень-то нынче старших уважают...

– Ксюша, голос сварливее! – вмешался Никита. – Ты должна нудить, ворчать и держать людей в страхе.

– Не очень-то нынче старших уважают, – проворчала Ксения.

Артем вытянулся в струну.

– Я, маменька, без вашей воли ни на шаг!

– Если родительница что и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

– Да когда же я, маменька, не переносил-то от вас? – Зорин в благоговейном страхе прижал ладони к груди.

– Артем, переигрываешь! Жестами переигрываешь, а эмоциями не доигрываешь! Не вижу на твоём лице ни страха, ни раболепия, – сказал режиссер.

– Да куда уж «раболепней»?

– Делай, что велено! Я режиссёр, а не ты!

Никита не хотел ругаться с артистами при спонсоре, но не мог удержаться от замечаний, если был не доволен. Новиков не сводил взгляда с Ксении Лавровой. Она, единственная в этой четверке, умело сочетала эмоции, движения, интонации голоса.

– Для меня, маменька, все одно: что родная мать, что ты, – сказала Женя. – Да и Тихон тебя любит.

– Ты бы могла и помолчать, коли тебя не спрашивают, – чопорно ответила Ксения и добавила с масляной улыбкой: – Не заступайся, матушка, не обижу, небось. Что ты выскочила в глазах-то поюлить? Чтобы люди видели, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь!

– Нашла место наставления читать, – пробормотала Даша. Наконец-то в беседу вступила ее героиня.

Замечание Никиты не заставило себя ждать.

– Даша, громче! Если будешь мямлить, последние ряды тебя не услышат. Ты должна не только сказать, но и показать зрителю, что не одобряешь поведение матери. Произнеси эту фразу и испуганно оглянись! Мол, место людное, ходят тут всякие, а мамаша нотации читать вздумала. Поняла?

Даша кивнула. Она чувствовала себя не в своей тарелке оттого, что за происходящим наблюдал Новиков. В основном спонсор смотрел на Ксению Лаврову, но Даше было бы спокойнее репетировать без посторонних.

– Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь, – Женя обиженно надула губки. – Что при людях, что без людей, я одинакова, ничего из себя не доказываю.

– Женя, ты не пигалица, а достойная барышня. Не надо делать губки бантиком, это не в духе Катерины!

Никита прервал репетицию. Он объяснил Жене, как она должна играть, потом взялся за Артёма Зорина.

– У твоего персонажа имя говорящее: Тихон! Он безвольный тихоня, шагу ступить не может без маминого разрешения. Смотри на Ксению с раболепием и вымученной улыбкой. Ты устал от маменькиных капризов, но не смеешь слова поперек сказать! Ты подавляешь свою волю, и это тебя угнетает. Давайте шестое явление.

Даша закусила губу. В шестом явлении у неё несколько реплик, и она не хотела, что Никита обрывал ее после каждого слова, как до этого Артема и Женю.

– Вот видишь, всегда мне за тебя достается от маменьки! – с досадой воскликнул Зорин и вцепился пальцами в корни волос. Его лицо выражало обреченность.

– В чем же я виновата? – удивилась Шпатова.

Артем махнул рукой.

– Кто виноват, я уж не знаю!

– Где тебе знать! – воскликнула Даша, с осуждением и злостью глядя на «брата». По крайней мере, она надеялась, что ее лицо выражает эти эмоции.

– Даша, мне не нравится! – взорвался Никита. – Во-первых, говори громче! Во-вторых, не стой столбом, двигайся! Пусть это будет смешно и неправильно, но зато я увижу, над чем нужно работать. Обычно, когда я говорю артистам, что хочу больше движений, они начинают изображать руками нечто диковинное, прямо не знают, куда их деть! – Никита задергал руками, передразнивая артистов, чем развеселил и коллег, и Новикова. – Действия – это не только взмахи руками, но еще и повороты, наклоны, прыжки, реверансы. В конце концов, игра – это взаимодействие с партнером! Последнего я от вас троих не увидел. Ксения справилась отлично, и когда она ушла за кулисы, вы вообще потерялись! Вы должны взаимодействовать физически, а не только в разговоре. Например, можно по-дружески толкнуть партнера в бок и засмеяться, а можно толкнуть не по-дружески и смерить злым взглядом. Улыбайтесь друг другу, переглядывайтесь, импровизируйте, вы же актеры! Даша, из твоей простенькой фразы можно сделать конфетку! – Никита поднялся на сцену, встал около Артема, насмешливо взглянул на него и игриво произнес: – Что стоишь, переминаешься? По глазам вижу, что у тебя на уме!

– Что? – удивленно спросил Зорин.

Никита с силой опустил руку на плечо Артему, будто хотел удержать его подле себя, и застучал по полу носком ботинка.

– Известно что! К Савелу Прокофьевичу хочется, выпить с ним. Не так, что ли? – он посмотрел на Дарью. – Теперь твоей Варваре можно помахать руками. Ты заметила постукивание ботинком? В твоём исполнении постукивание будет интересно смотреться и раскроет бойкую натуру героини. Давайте-ка заново.

Глава 8

Репетировали до вечера. Актеры вошли во вкус, и между ними наконец-то возникло естественное взаимодействие, правда, Женя свысока глядела на Артема и Дашу и, когда допускала промахи, делала вид, что ошибалась из-за них, мол, непрофессионализм коллег мешает играть. К отчаянию Дарьи, Никита потакал ее капризам и никто не смел возразить режиссеру.

Михаил Казимирович с интересом наблюдал за созданием нового спектакля, иногда смеялся и беседовал с артистами.

– Михаил Казимирович, вам понравилось? – спросил Никита в конце репетиции.

– Очень! – Новиков был в восторге, и его мнение о Христофорове несколько изменилось. – Вы настоящий профессионал и тонко чувствуете людей. Но я бы поменял ролями Женю и Дашу.

– В смысле? – Никита посмотрел на Новикова, как на сумасшедшего.

– Я понимаю: Евгения Шпатова – это имя, которое знает молодежь. Но Евгения не смотрится в роли Катерины.

– Раньше я думал, что Ксения Лаврова не смотрится в роли Кабанихи, но теперь не представляю на ее месте другого человека. Женя – дипломированная актриса, а у Даши нет образования и опыта.

– Образования и опыта нет, а талант есть! В отличие от Жени, Даша прислушивается к замечаниям и не повторяет ошибок... – Новиков краем глаза заметил, что Лаврова скрылась за кулисами, и засуетился. – Никита, извините, я спешу.

– Вас проводить?

– Нет-нет, я помню дорогу.

Новиков быстро прошел за кулисы. Артисты разошлись по своим гримёркам, только Ксения стояла в кухне и ждала, пока закипит чайник. Михаил подошел к ней и сходу спросил:

– Ксения, что вы делаете после репетиции?

– Играю в спектакле.

Михаил Казимирович хлопнул себя рукой по лбу.

– Совсем забыл! Сегодня же спектакль! И как вы все успеваете? Спектакли, репетиции, съемки! Наверное, устаете?

– Устаю, но это приятная усталость.

Ксения выглядела спокойной и, что с макияжем, что без, была очаровательна. Ее глаза лучились добром, движения были легки, растрепавшиеся волосы и морщинки у глаз не старили, а подчеркивали естественность.

– Я наблюдал за вами во время спектакля в детском доме, а сегодня на репетиции вовсе не мог отвести глаз, – признался Михаил. – Ваши эмоции настолько живые, что складывается впечатление, будто игра вас не утомляет. Будто вы – это не вы, и на сцене все происходит с вами по-настоящему. Я видел много постановок «Грозы» как в знаменитых театрах, так и в любительских, и могу сказать точно: ваша Кабаниха – лучшая. Вы потрясающая актриса.

– Вы мне льстите.

– Ничуть. Я сказал то, что думаю. И вы, конечно, знаете, что люди восхищаются вами!

– Знаю, но не радуюсь этому.

– Почему?

– Я не считаю свою игру идеальной. После каждого спектакля я мысленно разбираю ошибки.

Внешне Михаил казался спокойным, но его сердце бешено стучало, пальцы дрожали. Когда он смотрел в магнетические глаза этой женщины, через него словно пропускали разряд тока. Он больше не мог вести непринужденную беседу и решил сразу показать свои намерения.

– Ксения, я подумал, – Михаил отер со лба пот, – если до спектакля вы заняты, может, у вас найдётся время после? За углом отличный ресторан. Я приглашаю вас на ужин.

– Михаил Казимирович...

– Просто Михаил. Или Миша.

– Михаил Казимирович, – подчеркнуто произнесла Ксения, – после спектакля я занята.

– Жаль. Тогда увидимся завтра?

– Нет.

– Почему?

– У меня двое детей.

– Двое детей, – растерянно повторил Михаил.

– И муж.

– Я думал, вы не замужем.

Ксения подняла брови.

– Почему вы так думали?

– В газете прочитал.

– Значит, вы собираете сплетни, которые смакует «желтая» пресса?

– Почему сразу «желтая»? Эта газета вполне...

– Потому, – перебила Ксения, – что я не разговариваю с прессой о личной жизни. Все, что журналисты пишут на эту тему – грязная ложь. Я не из тех, кто спекулирует детьми, мужем и родителями, чтобы привлечь внимание. Я актриса, а не медийная личность.

– Разве это не одно и то же?

– В моем случае – нет. Я не ищу популярности, а просто занимаюсь любимым делом. – Ксения до того рассердилась, что забыла про чайник. Она схватила реквизит и бросилась в свою гримерку.

– Ксения, подождите, я не хотел...

– Мне надо готовиться к спектаклю.

– Конечно, – пробормотал Михаил. Он расстроился и попытался загладить свою бестактность. – Приятно было пообщаться.

– Не могу ответить вам тем же.

Мужчина чувствовал себя очень глупо. Но не успел он осмыслить произошедшее, как со сцены вернулась Евгения Шпатова.

– Михаил Казимирович, вы останетесь на спектакль?

– Нет, Евгения, не останусь. Мне здесь больше нечего делать.

– Почему?

– Я видел этот спектакль два раза.

– Некоторые зрители приходят и три раза.

– Некоторые и десять раз, что же теперь, жить в театре? – Михаил осмотрелся по сторонам и, убедившись, что они с Женей одни, спросил: – Ты не знаешь, Ксения Лаврова замужем?

– Нет. Вернее, она разводится с мужем. А почему вас это интересует? – девушка подозрительно поглядела на Новикова и вдруг рассмеялась. – Что, понравилась?

– Женечка, у вас бурная фантазия. Просто я услышал, как Ксения с кем-то ругалась по телефону, мне стало интересно, с мужем она ругалась или нет. – выкрутился Михаил.

Это объяснение удовлетворило Шпатову.

– У них сложный развод, там какие-то споры из-за дочери.

Михаил опустил на стул.

– А поподробнее?

– Я не знаю подробностей, Лаврова же ничего никому не рассказывает. Только, может, подруге своей, Любе Румянцевой. Но Люба – камень, слова из нее не вытянешь! – пожаловалась Женя. Очевидно, семейная драма Лавровой интересовала её не меньше, чем журналистов.

– Значит, Люба – хорошая подруга и умеет хранить секреты, – учтиво заметил Михаил.

– Умеет, но слухи-то ходят.

– Слухи слухами, а какова официальная информация? Почему они разводятся?

– Я же говорю: Лаврова прячет личную жизнь за семью замками. Кстати, ее дети иногда приходят в театр на один и тот же спектакль, – выразительно произнесла Женя. Видимо, хотела насолить Новикову за то, что не пожелал в третий раз смотреть «Усадьбу Крыловых».

Новиков этого не заметил. Его интересовало другое.

– И что дети из себя представляют?

– Потрясающую семейную идиллию. Девочка ни на шаг не отходит от брата, а он с нее пылинки сдувает. Брат ей, фактически, заменяет отца: забирает из школы, водит на аттракционы, помогает с уроками.

– Интересно, – задумчиво протянул Михаил.

– Еще бы, – кивнула Женя, – и, между прочим, Андрей – ну, сын Ксении – оказывал мне знаки внимания.

Михаил забарабанил пальцами по столу. Он понимал, что это лишь слухи, которыми пропитано закулирье, и домыслы молоденькой актрисы. Сын Лавровой оказывал ей знаки внимания! Естественно, Жене приятно думать, что все вокруг оказывают ей знаки внимания! Пожалуй, он бы не удивился, если бы завтра закулирье загудело о том, что Жене оказывал внимание он сам.

А что касается Лавровой, то, видимо, не судьба. У женщины личная драма, и влезть в чужую семью – самое ужасное, что можно сделать. Новиков не из тех, кто пользуется ситуацией.

Даша почувствовала, что еще немного, и упадет от усталости посреди кухни. Девушка решила отложить мытье посуды до завтра, а сейчас выпить чаю и пойти спать. Все-таки тяжело

утром учиться, днём репетировать, а вечером играть в спектакле. Но, несмотря на усталость, Даша ликовала: она получила роль Варвары. Она получила почти главную роль! Единственное, что огорчало, это благосклонность Никиты к Жене Шпатовой, которая возомнила себя королевой. Женя умела из ничего создать суету и привлечь к себе внимание поклонников. Наверное, это тоже своего рода талант. И, увы, этот талант высоко ценится в шоу-бизнесе.

Даша сделала глоток смородинового чая и ощутила приятное умиротворение. И кто придумал запивать проблемы алкоголем? Чай – лучшее решение! Кстати, о проблемах. Дарья открыла кошелек, пересчитала деньги и снова схватилась за чашку.

«У меня семьсот рублей и неделя до зарплаты. Всю зарплату я отдам хозяйке квартиры, чтобы рассчитаться за прошлый месяц. Рассчитаться за текущий месяц – октябрь – не получится. Будет чудом, если останутся деньги на проезд и еду, – Дарья снова пересчитала содержимое кошелька, будто от этого оно могло увеличиться. – Может, попросить денег у родителей? Но они и так каждый месяц переводят на карточку десять тысяч и с ехидством говорят: Вот, мол, твоя самостоятельность!» Нет уж, к родителям я не обращаюсь. Что-нибудь придумаю. Мне не впервой».

Тут раздался звонок. Даша удивилась: кто мог прийти к ней в одиннадцать вечера? Она подбежала к двери и посмотрела в глазок. На площадке никого не было. Даша уже решила, что ей это послышалось, но звонок повторился. Она присмотрелась внимательнее и увидела, что к звонку тянется палка. Похоже, человек был маленького роста и не мог дотянуться до кнопки. Или человек не хотел, чтобы его увидели.

Эта мысль обдала Дашу ледяным ужасом. За секунду в голове возникли фантазии, которые могли бы стать достойным сценарием для криминальных сериалов. Но Даша взяла себя в руки и спросила как можно уверенней:

- Кто там?
- Катя, – послышался тоненький голосок.
- Какая еще Катя?
- Катя Никифорова. Из детского дома.

Даша ахнула и отворила дверь. На пороге, вправду, стояла Катюша. Она улыбалась и боязливо глядела на Дашу из-под опущенных ресниц. Ее щеки покраснелись от холода, волосы растрепались и выбились из-под вязаной шапки, куртка была расстегнута.

Даша удивленно воскликнула:

- Как ты здесь оказалась?
- Я приехала на метро. Добрая тетенька купила мне билет и угостила булочкой. Я и не знала, что метро такое огромное! – глаза девочки светились восторгом. – Я раньше на нем не ездила.

Даша подняла брови.

- Ты жила в Москве и никогда не ездила на метро? Как ты передвигалась по городу?
- Воспитатели не разрешают ездить в город. Мы выходим из детского дома только в школу и поликлинику, а это близко.

– Катя, у тебя руки, как ледышки! – испугалась Даша, обнимая девочку. – Сама тоже замерзла? Бегом в ванную и хорошенько прогрейся, я сейчас принесу тебе полотенце и теплые вещи.

Глава 9

Через полчаса Катя уже сидела на кухне, переодетая в Дашину пижаму и махровый халат. Халат был великоват, и Катя в нем утопала, зато ей было тепло и спокойно впервые за долгое время.

Даша, забыв об усталости, хлопотала у плиты.

– Мне нечем тебя угостить. Осталась только гречка. Могу сделать бутерброды с маслом. Будешь?

Катя кивнула. Она проголодалась.

– Не понимаю, как воспитатели отпустили тебя одну так далеко? Да еще вечером! Они на часы смотрели?

– Только не ругайся, – Катя боязливо поежилась, – я убежала.

Даша выронила нож, и он со стуком упал на кафельный пол. Девушка грозно поглядела на Катю, но та не спешила с объяснениями. Она виновато опускала глаза и подергивала плечами, будто у нее был нервный тик.

– Дашенька, миленькая, не ругайся! Ты не знаешь, какие они злые!

– Кто – они? – ледяным тоном осведомилась Даша.

– Мальчики. Они побили меня, я пожаловалась воспитательнице, а воспитательница сказала, что я сама виновата. Обычно я терплю, но сегодня было очень больно.

Девочка закатала рукава, и у Дарьи на голове волосы зашевелились от ужаса. На руках Кати не осталось живого места, синяки сплошь покрывали ее кожу. Местами они были желтого цвета, но были и свежие следы.

– Кто тебя бил? – воскликнула Дарья. – Назови имена!

– Витя, Леша и Дима. Другие дети смеялись. У них такая игра.

– И тебя никто не защитил?

– Я пожаловалась воспитательнице, а Витя пообещал за это вырвать мне волосы. Витя толстый и сильный, его даже воспитательница боится! Он стащил садовые ножницы и полдня ходил за мной – дергал за косу, один раз провел ножницами по шее. Я испугалась и во время прогулки сбежала.

Даша могла бы подумать, что Витя шутил, если бы сама не спасла девочку от побоев неделю назад. Да и синяки на руках Кати подтверждали, что с чувством юмора у сирот плохо.

– Ты кому-нибудь сказала, что поехала ко мне?

– Нет.

– Ты понимаешь, что воспитатели волнуются? Они наверняка заявили в полицию. Тебе надо вернуться.

– Можно я останусь с тобой?

– Нет, это не положено по закону.

– А мне плевать на закон!

– Так нельзя, – мягко произнесла Дарья. – Прости, но я отвезу тебя обратно.

– Ну и отвози! Я снова сбегу! – заупрямилась девочка.

Отчаяние и страх достигли в ее душе такого предела, что это уже граничило с безрассудством. Катя не жаловалась на боль, похоже, она привыкла к ней и перестала обращать внимание на синяки. И это пугало Дашу не меньше, чем сами синяки. Да окажись она на Катинем месте, она бы из дома не смогла выйти, не то что через всю Москву проехать!

– Катюша, как тебе удалось сбежать?

– Я перелезла через забор и дошла до метро.

– Не испугалась? Там же идти мимо гаражей и заводов!

– Я их прошла и спустилась в метро. После метро опять долго ходила, потому что заблудилась. Люди смотрели на меня с удивлением, некоторые предлагали помощь.

– И что ты отвечала?

– Что иду к маме.

«Иду к маме. К маме». Эти слова попали прямо в самое сердце.

– Разве я похожа на маму? – прошептала Дарья.

– Нет. Но ты лучше мамы.

Катя глядела на Дашу без страха и робости. Ее щеки разругались, глаза блестели. Катя напоминала брошенного котенка, который неожиданно оказался в уюте, выпил теплого молока и теперь хотел мурлыкать и ластиться.

– Я должна позвонить в детский дом. Так будет правильно.

К ужасу Даши, Катя упала перед ней на колени и завопила дурным голосом:

– Пожалуйста, не отдавай меня! Я буду послушной! Я буду мыть посуду, стирать, убирать, и никаких игрушек не надо!

Даша насильно подняла ее с пола и посадила в кресло.

– Катюша, это сложнее, чем ты думаешь. Если бы все зависело от моего желания, честно, я бы тебя не отдала, – пылко произнесла Дарья. – Но скрывать чужого ребенка – преступление. Ты же не хочешь, чтобы меня забрали в полицию?

– Нет, – испугалась Катя.

Конечно, предоставить Кате ночлег – не преступление, и на Дашином месте так поступил бы каждый, но спрятать ее от воспитателей – уже серьезный проступок.

– Я не могу приютить тебя без разрешения. И, как бы ни обижали тебя воспитатели и мальчишки, я уверена, сейчас они волнуются и гадают, куда ты пропала, жива ли ты! Я должна позвонить.

Катя согласилась, что Даша права. К тому же она всерьез испугалась, что Дашу заберут в полицию, и со страху продиктовала ей номер.

В трубке заскрежетал сонный голос сторожа.

– Аллю.

– Это детский дом номер восемь?

– Да.

– Я могу поговорить с директором или воспитателем?

– Девушка, вы на часы смотрели? Сами-то как думаете? Перезвоните завтра.

– Это срочно! – воскликнула Даша. – У вас девочка сегодня не пропадала? Катей зовут. Сторож заинтересовался.

– Вы знаете, где она?

– Катя у меня дома.

– Римма Павловна! – закричал мужчина так громко, что Даша отдернула трубку от уха. – Звонит какая-то девушка! Говорит, Катя у неё дома!

Мгновение – и в телефоне зазвучал приятный женский голос.

– Здравствуйте, меня зовут Римма Павловна Берестова, я директор детского дома. С кем я говорю?

– С Дарьей Арсентьевой из театра «Калейдоскоп». Помните, мы были у вас со спектаклем? Только что Катя приехала ко мне домой, я подумала, что вы волнуетесь, и позвонила.

– Вы правильно сделали! Спасибо! – в голосе женщины слышалось облегчение. – Мы эту негодницу обыскали, уже и в полицию заявили! Диктуйте адрес, я приеду за ней на такси.

– Катя спит, – соврала Даша, – не надо ее беспокоить. Завтра я сама её привезу. Вы знаете, почему она сбежала?

– Приключений захотела! И нервы людям помотать!

– Ее побили мальчишки, а воспитательница не стала разбираться, кто виноват. Катя напугана и не хочет возвращаться.

– Правда? – директриса замешкалась. – Что ж, я поговорю с воспитательницей и нянечками, которые сегодня дежурили. Наверное, девочка доставила вам много хлопот?

– Пустяки, Катя мне нравится. И мне ее жаль. Надеюсь, вы разберетесь и этого больше не повторится.

– Конечно, – пообещала директриса.

– До свидания, – Даша повесила трубку и поглядела на притихшую Катю. – Вот и все, зря ты боялась. Очень приятная женщина.

Катя покачала головой.

– Директриса хуже воспитательницы. Она кричит так громко, что хочется зажать уши.

– Но кричит-то за дело?

– Нет. Она просто любит кричать. Она кричит на поварах, воспитателей, детей. Когда директриса приезжает, я стараюсь не выходить из комнаты.

Даша вспомнила, что Кристина говорила о директрисе, сопоставила это с мнением Кати и своим впечатлением, но пока не могла сделать выводы.

– Уже поздно. Пойдем-ка спать.

Пока Дарья искала в шкафу второе одеяло, Катя осматривала спальню. Тут все казалось родным, даже пахло по-домашнему – цветущей черемухой. Почему на ум пришел этот запах и почему он кажется родным, Катя не могла объяснить. Может, он ассоциировался у нее с ранним детством. Может быть, так пахло от ее матери.

Катя заметила на тумбочке фотографию в золотой рамке. На ней Даша сидела рядом с мальчиком, на вид ему было лет пятнадцать. Со спины детей обнимали мужчина и женщина.

– Это твои родители?

– Да. И младший брат, – Дарья мельком взглянула на фото. – Они живут в Нижнем Новгороде. Мы редко видимся.

– Ты давно переехала в Москву?

– Полтора года назад.

– Скучаешь по семье?

– Немного.

– Я тоже скучаю по своим родителям. Моя мама была похожа на тебя, а папа... папа был капитаном, – быстро нашлась девочка.

Даша понимала, что Катя ничего не знает о родителях и говорит так, как ей хотелось бы, чтобы было на самом деле.

– Почему капитан? – поинтересовалась Дарья.

– Капитаны – сильные и смелые, они ничего не боятся! Так говорит Анна Андреевна, наша нянечка. Она хорошая и часто рассказывает истории о морях. Даш, а расскажи о своей семье.

Даше показалось неуместным говорить о родителях с ребенком, у которого их нет.

– Может, в другой раз?

– Пожалуйста, – взмолилась девочка, – вместо сказки.

– Ладно, попробую. Но сначала ты умоешься и ляжешь в кровать.

Даша не знала, с чего начать рассказ, поэтому начала со знакомства.

– Мою маму зовут Светлана, она гастроэнтеролог в госпитале. Мой папа, Семён, – директор небольшого издательства. А брат Паша – школьник. Мы с братом жили в одной комнате и часто ссорились.

– Вы жили вдвоем в комнате? – переспросила девочка. – И больше никого не было?

Даша рассмеялась.

– А кто еще должен быть? Мы с братом – в одной комнате, родители – в другой.

– Здорово, – мечтательно протянула Катюша. – Вот бы у меня был брат... И комната.

У Даши перехватило дыхание. Эта девочка умеет одной фразой разбередить душу. Вроде ничего особенного она не сказала, но для Даши семья – большая тема. Для нее было сущим адом делить комнату с братом! Они дрались и получали от этого мстительное удовольствие. Они не смотрели вместе фильмы и не играли в игры, как положено братьям и сестрам. У них не было общих занятий, кроме скандалов. Пока мы жалуемся на жизнь, ссоримся с братьями

и мечтаем о личном пространстве, кто-то мечтает о том, чтобы рядом была хоть одна родная душа. Почему мы не ценим то, что имеем?

– Ты хорошая, – вдруг сказала Катя. – Наверное, в школе все хотели дружить с тобой.

Даша невесело рассмеялась.

– В школе я была гадким утенком. Я хорошо училась и была застенчивой. Я боялась лишний раз о чем-то спросить, одевалась не по моде, и одноклассники надо мной смеялись. Я притворялась, будто мне наплевать, что они говорят, но потом приходила домой и плакала. Впрочем, за меня было, кому заступиться, – Даша умолкла на полуслове. Она поняла, что у Кати похожая ситуация, но за нее заступиться некому. Катя не может пожаловаться маме или папе, потому что у нее их нет.

– А почему ты не едешь домой?

– В Москве держат дела – учеба, работа, спектакли. И не всегда есть деньги на билет до Нижнего Новгорода.

Даша не любила говорить о семье и деньгах, а говорить об этом с Катей казалось вовсе недопустимым. У них разное представление о семейной жизни. Для Кати семья – это восторг, идиллия, недостижимая мечта. А Дашины отношения с родными сложно назвать образцовыми.

Дарья прекратила разговор, сославшись на усталость, и вскоре обе заснули.

В это время на другом конце Москвы Ксения Лаврова бесшумно вошла в свою квартиру и замерла на пороге. В кресле, которое обычно было занято Андреем, сидел ее муж и, покачивая носком лакированного ботинка, что-то смотрел в телефоне. Игорь был в брендовом костюме, на его руке блестел новый «ролликс». Встретившись взглядом с женой, он недобро сощурился. Его и без того острый подбородок вытянулся.

– Привет, – удивилась Ксения, – что ты здесь делаешь?

– Тебя жду.

– Зачем?

– Хотел убедиться, что ты по-прежнему уходишь ни свет ни заря и возвращаешься в полночь.

Ксения подняла брови.

– С каких пор тебя волнует распорядок моего дня?

Колючий взгляд Игоря скользнул по лицу женщины, задержался на губах.

– Милая, твой распорядок меня не волнует, хоть живи на работе. Мне не нравится, что у тебя нет времени почитать Наде сказку. Да что сказку, ты Надю даже не видишь! Утром ты на съемках, днем на репетиции, вечером на спектакле, а ночью, когда, наконец, соизволишь прийти домой, Надя видит десятый сон! Я расскажу об этом в суде. Ты помнишь, что завтра очередное слушание?

– Помню, – чопорно ответила Ксения. – А теперь покинь мою квартиру.

– Твою квартиру? – переспросил Игорь. – Ты забыла, что до того как стала знаменитой актрисой я один копил деньги на жилье?

– Пошел вон, – с отвращением произнесла Ксения.

– Надо же, как бывает! Прожили двадцать лет вместе, а потом слышу: пошел вон.

Ксения пожала плечами.

– Бывает. А бывает и так: сутками пропадаешь на съемках, мечтаешь реализовать в профессии, чтобы муж тобою гордился, а муж в это время развлекается с топ-моделями.

– Хочешь перемолоть это в тысячный раз? Давай! – Игорь повысил голос. – Я знаю, что провинился, но и ты была виновата, когда на месяц уехала на съемки в Анапу! Что я должен был делать?

– Смотреть за детьми, а не зажиматься с девками в ночных клубах. Уходи. Ты мне противен.

– Поверь, я тоже не испытываю удовольствия от этой встречи. Но нельзя всегда все делать в удовольствие, да?

– К чему ты клонишь? Говори прямо или убирайся.

– Ксюша, я выиграю суд и право жить с Надей. Тогда мне не придется платить алименты, а ты съедешь с квартиры. Всего хорошего.

Игорь застегнул куртку и вихрем пронесся мимо жены. Напоследок он хлопнул дверью так сильно, что зазвенело зеркало.

Ксения вздохнула.

– Надо сменить замки. Ведь пока это моя квартира.

– Согласен, – из кухни вышел Андрей.

– Давно ты там стоишь?

– Я случайно услышал ваш разговор.

Ксения строго посмотрела на сына.

– А дослушал до конца тоже случайно?

– Я переживаю за вас и хочу знать, что происходит. Как еще узнать, если вы не рассказываете?

– Андрей, я не хочу грузить тебя взрослыми проблемами.

– А ничего, что мне двадцать лет?! – возмутился Андрей. – Я взрослый и должен знать правду.

Парень подошел к матери и обнял ее за плечи.

– Я люблю отца, но всегда буду на твоей стороне. Помни об этом.

– Твой отец прав.

– В чем?

– Я почти не вижу вас с Надей. У меня давно не было выходных, и с этим пора что-то делать.

– Мам?

– Я приняла решение.

– Какое решение? – Андрей заволновался.

Женщина устало вздохнула.

– Пойдем спать. Завтра узнаешь.

Глава 10

Даша подскочила ни свет ни заря, чтобы приготовить Кате завтрак. Продуктов было мало, но девушка не отчаялась: сделала бутерброды, сварила овсянку и украсила ее замороженными ягодами. Потом Даша вспомнила о Юле – надо предупредить ее, что не приедет на занятия.

– Привет, – голос подруги звучал бодро. – Дашка, ты где? Я жду у банкомата.

– Юль, меня сегодня не будет.

– Почему?

– Ночью приехала Катя из детского дома, сейчас я должна отвезти ее обратно. Я не успею вернуться даже к последней паре.

– Я что-то ничего не понимаю, – затараторила удивленная Юлька.

Тут хлопнула дверь в комнату – это проснулась Катя. Вести разговор при ней было бы неудобно.

– Я позвоню вечером и все расскажу. Придумай уважительную причину моего пропуска. Спасибо, ты лучшая подруга на свете!

– С добрым утром! – в кухню вошла Катя.

Даша спрятала телефон.

– С добрым утром, солнышко. Надеюсь, ты любишь овсянку?

Катя скривилась, но попробовала одну ложечку.

– Если честно, я ее ненавижу. Но у тебя она совсем не противная. Даже вкусная. Наверное, в приюте овсянка противная, потому что в нее не добавляют ягоды.

Даша достала из морозилки пакет с жимолостью и поставила перед Катей. Пусть кушает, пока есть возможность.

Через час девочки вышли из дома и направились в ближайшее кафе.

– Зачем мы идем сюда?

– Сейчас узнаешь. Привет, Маринка! – Даша поздоровалась с официанткой, стоявшей у гардероба. – Наталья Павловна у себя?

– Да, – девушка с любопытством поглядела на Катю, потом на Дашу.

Но Даша не стала ей ничего объяснять, лишь улыбнулась и потянула Катю в зал.

– Ты здесь работаешь? – догадалась девочка.

Пока они проходили банкетный зал, Катя восторженно озиралась по сторонам, но не успела все рассмотреть, ведь Даша шла очень быстро и вела ее за руку.

Выйдя из зала, они оказались в кухне. Здесь толпились повара, уборщики, мойщики и официанты. Официанты надолго не задерживались – они приносили горы пустых тарелок, быстро ставили готовые блюда на подносы и также быстро убегали. В кухне царил невообразимый шум – гудели мясорубки, блендеры, микроволновки; звенели тарелки, вода лилась из нескольких кранов. А пахло так вкусно, что Катя зажмурилась от удовольствия. Но не успела она насладиться запахом выпечки, как Даша потянула ее к кабинету, на котором висела табличка «Администрация».

– Доброе утро, Наталья Павловна, – поздоровалась Даша с полноватой сорокалетней женщиной. Она сидела за столом и что-то печатала на компьютере.

– Доброе утро, – женщина удивленно взглянула на Катю, потом на Дашу. – А у тебя разве не дневная смена?

– Дневная, – кивнула Даша, – но я не смогу на нее выйти. Я зашла отпроситься.

– Опять? – женщина поправила съехавшие на кончик носа очки и сурово взглянула на подчиненную. – Даша, мне это надоело.

– Я должна присмотреть за этой девочкой, не могу оставить ее одну.

– А я не могу оставить ресторан без определенного количества официантов! – Наталья Павловна рассердилась не на шутку. – Даша, давай смотреть правде в глаза: ты не справляешься с работой. Я честно пыталась войти в твое положение, но всему есть предел! Ты часто отпрашиваешься за час до смены, и я вызываю девушек на работу в их законный выходной. Почему мы должны подстраиваться под тебя? Ты всего лишь официантка! Проще взять на это место девушку, которая будет работать четыре часа в день, но без опозданий и пропусков. Даша, если я составляю график, значит, отвечаю за то, что официант выйдет на работу в назначенное время, а ты не выходишь и подводишь нас.

– Но...

– Я понимаю, что у тебя учеба и репетиции, тебе удобно работать в шаге от дома. Но мне неудобно дергать людей в выходные из-за того, что у тебя не получается прийти. Я хорошо к тебе отношусь, но не вижу смысла в сотрудничестве. – Наталья Павловна открыла журнал, чиркнула что-то напротив Дашиной фамилии, затем протянула ей семь тысяч рублей. – Это зарплата за месяц. Распишись.

Даша на автомате поставила подпись и с силой потянула Катю к двери. Руку было больно, но Катя даже не пикнула, так ее испугало выражение Дашиного лица. Пока они не вышли на улицу, Даша не проронила ни слова. Все было как в тумане. Даша подумала, что надо было оправдаться и соврать что-нибудь, но пока она слушала Наталью Павловну, в горле стоял ком. А что сейчас? Все. Она расписалась и взяла деньги. После драки кулаками не машут.

– Тебя уволили?

Даша не ответила. В горле щипало, и слезы застилали глаза. Было обидно. Ее отчитали, как школьницу, а она молчала вместо того, чтобы просить второй шанс! Так всегда: мы находим нужные слова, когда становится поздно.

– Мы идем в метро, да? Ты отдашь меня в детский дом?

У Даши дрогнули губы. Сегодня ее точно доведут до слез.

– Катя, пойми... Постарайся понять. Я мало зарабатываю. Я не могу себя обеспечить, кто же мне доверит ребенка?

Даша закрыла глаза, и из-под опущенных век потекли слезы.

– Видишь? Я даже не умею держать эмоции под контролем.

Даше хотелось упасть посреди улицы и рыдать от обиды и безысходности. Она осталась без основного заработка и при этом задолжала хозяйке за квартиру. Еще чужой ребенок просит не отдавать его в приют! Но чего точно нельзя делать при ребенке, так это плакать. Сейчас Катя видит в ней человека, с которым можно чувствовать себя, как за каменной стеной. А каменная стена не может рассыпаться от малейшего дуновения ветра.

Пока Катя разглядывала витрину зоомагазина, Даша незаметно вытерла слезы и улыбнулась. Полегчало. От улыбки, даже вымученной, настроение поднимается. Подумаешь, уволили – найдется другая работа! Подумаешь, не хватает денег на еду... Глаза щипало, но Даша запретила себе плакать. Сейчас она отвечала не только за себя. Надо разобраться с Катиными проблемами, потом можно будет плакать вдоволь. Если Катя появилась в ее жизни, значит, это не случайно. И если уволили с работы – тоже не случайно. Важно понять, почему все произошло именно сейчас и какие возможности перед ней открываются. Все что ни делается – к лучшему, как бы банально это ни звучало. Кому-то мы посланы Богом, а кого-то Бог посылает нам, чтобы мы стали мудрее, сильнее и лучше.

Даша расправила плечи и улыбнулась Катюше. Маленький ребенок и взрослый ребенок. Да, в девятнадцать лет люди еще верят в мечты и справедливость мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.